

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«ЮЖНО-УРАЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ГУМАНИТАРНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»
(ФГБОУ ВО «ЮУрГПУ»)

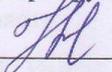
ФАКУЛЬТЕТ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ
КАФЕДРА РУССКОГО ЯЗЫКА И МЕТОДИКИ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ

ГЕНДЕРНЫЕ НОМИНАЦИИ В ТВОРЧЕСТВЕ Н.С. ГУМИЛЕВА

Выпускная квалификационная работа по направлению
44.04.01 Педагогическое образование
код, направление

Направленность программы магистратуры
«Современное филологическое образование в образовательных
организациях различного типа»
Форма обучения очная

Проверка на объем заимствований:
85,36 % авторского текста
Работа рецензирована к защите
рекомендована/не рекомендована
«20» июня 2022 г.
зав. кафедрой русского языка и МОРЯ

 Глухих Н.В.

Выполнила:
Студентка группы ОФ-215-275-2-1
Замятина Полина Андреевна
Научный руководитель:
д-р филол. наук, профессор
Глухих Наталья Владимировна

Челябинск
2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
Глава 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ	
1.1 Возникновение понятия гендер	8
1.2 Становление гендерных исследований в отечественной филологии	10
1.3 Ключевые понятия гендерной лингвистики	14
1.4 Понятие номинация применительно к гендерным исследованиям	23
ВЫВОДЫ ПО 1 ГЛАВЕ	29
ГЛАВА 2 НОМИНАЦИИ МУЖЧИН И ЖЕНЩИН В ТВОРЧЕСТВЕ Н.С. ГУМИЛЕВА	31
2.1 Имена собственные как номинации мужчин и женщин в творчестве Н.С. Гумилева	32
2.1.1 Имена собственные как номинации мужчин в творчестве Н.С. Гумилева	32
2.1.2 Имена собственные как номинации женщин в творчестве Н.С. Гумилева	38
2.2. Имена нарицательные как номинации мужчин и женщин в творчестве Н.С. Гумилева	45
2.2.1 Имена нарицательные, используемые для номинации мужчин по социальному признаку	45
2.2.2 Имена нарицательные, используемые для номинации женщин по социальному признаку	47
2.2.3 Имена нарицательные, используемые для номинации мужчин по возрасту	49
2.2.4 Имена нарицательные, используемые для номинации женщин по возрасту	51
2.2.5 Имена нарицательные, используемые для номинации мифических лиц мужского пола	53

2.2.6 Имена нарицательные, используемые для номинации мифических лиц женского пола	54
2.2.7 Имена нарицательные, используемые для номинации мужчин по признаку родства	56
2.2.8 Имена нарицательные, используемые для номинации женщин по признаку родства	57
2.2.9 Имена нарицательные, используемые для номинации мужчин по роду занятий	59
2.2.10 Имена нарицательные, используемые для номинации женщин по роду занятий	60
2.2.11 Имена нарицательные, используемые для номинации мужчин по физическим свойствам и качеству характера	62
2.2.12 Имена нарицательные, используемые для номинации женщин по физическим свойствам и качеству характера	63
ВЫВОДЫ ПО 2 ГЛАВЕ	65
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	67

СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

ВВЕДЕНИЕ

В последние годы заметно возрос интерес к гендерной лингвистике, что обуславливается большим количеством работ, посвященных проблематике «гендера» и «гендерных стереотипов» в психологии, социологии и науке о языке. Понятие гендера как «социального пола» пришло в лингвистику из психологии и социологии, и интерес к данной проблеме возник благодаря феминистским течениям в науке и обществе, получившим большое развитие в двадцатом веке. Гендерный подход в лингвистике соответствует современной идее антропоцентризма в науке.

Проблема «человека», а также различия полов оставалась актуальной для исследователей на протяжении всей истории человечества. Ею занимались такие науки как философия, социология, психология, лингвистика, этнография. Различные, стереотипные нормы поведения мужчин и женщин в обществе оказывают влияние на их языковое поведение, а поскольку язык является отражением картины мира того или иного языкового сообщества, то исследуя гендерные аспекты употребления языка, можно сделать определенные выводы относительно менталитета, социальных и культурных особенностей изучаемой страны. Основными представителями отечественной школы гендерной лингвистики являются А. В. Кирилина, И. В. Зыкова, Е. И. Горошко, В. В. Потапов, Г. С. Двинянинова и многие другие. В этой связи не менее актуальна для лингвистики проблема номинации, в частности её рассмотрение с точки зрения гендерного подхода. Изучение гендерных номинаций на материале определенного литературного произведения позволяет выявить социокультурные факторы, влияющие на употребление автором тех или иных номинаций.

Как отмечают современные исследователи, проблема изучения номинации лица имеет двойственную природу: лингвистическую и гендерную. С лингвистической точки зрения, проблема номинации рассматривается как совокупность внутренних особенностей языка, влияющих на количественное и качественное отражение в языке

наименований лица [14]. В ходе исследования гендерного аспекта проблемы номинации учитываются те или иные социальные факторы, оказывающие влияние на употребление номинации лица в речи. Таким образом, гендерная лингвистика, в частности теория гендерных номинаций, имеет непосредственное отношение к проблеме выявления существующих гендерных стереотипов в языке. Исследование гендерных номинаций лиц позволяет проследить тенденцию к гендерной асимметрии, отражающей картину мира, представленную по большей части маскулинными ценностями, что в свою очередь обосновывается традиционной андроцентричностью социальных отношений [3]. Следует отметить прагматический потенциал использования гендерных номинаций в художественном дискурсе, когда использование автором тех или иных гендерных номинаций детерминировано стремлением наделить персонаж определёнными признаками дескриптивного характера, зачастую имплицитно вкладывая в их описание элемент оценки. С этой целью допускается использование как положительных, так и отрицательных коннотированных единиц, выраженных разнообразными эпитетами, которые могут участвовать в создании экспрессивного эффекта.

Особое место в лингвистических исследованиях последних лет занимают вопросы, связанные с конструированием образа мужчины и женщины в языковом сознании и моделированием гендерной идентичности при помощи языка. Гендерная проблематика начала развиваться в современной лингвистической парадигме позже, чем в других гуманитарных науках. К настоящему времени накоплен значительный теоретический материал по вопросам гендера и гендерное измерение активно применяется при решении конкретных лингвистических и литературоведческих задач.

Выбор художественной литературы XX века для комплексного анализа гендерных номинаций не случаен и обусловлен тем, что текстовая картина мира, как утверждает В.Б. Касевич, менее консервативна, чем языковая картина мира [20, с. 211], и наиболее точно отражает концептуальную

картину мира, так как постоянно ищет новых средств выражения для возникающих оттенков эволюционирующих смыслов. Наше исследовательское внимание остановилось на поэтических текстах художественной культуры прошлого столетия в связи с тем, что, как замечает М.Н. Эпштейн, «судьба лирика легче и нагляднее, чем судьба эпика или драматурга, поддаётся символическому, универсальному переосмыслению, - ибо сам поэт уже намечает и предлагает такое переосмысление в лице своего лирического героя» [41, с. 29].

Избрание поэтического наследия Н. Гумилева в качестве объекта изучения можно объяснить спецификой культурной ситуации первой половины XX века. Периодом переосмысления роли мужской и женской языковой личности в творческой деятельности стал Серебряный век. На этом этапе развития литературы признаётся способность женщины на художественное самовыражение и её стремление отвоевать место в культурном пространстве, принадлежащем до этого преимущественно мужчине.

Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью изучения поэтических текстов Серебряного века с позиции современных достижений в области филологии. Значительным образом расширив круг своих методологических возможностей и начав активно учитывать социокультурные параметры при разработке проблем лингвистического характера, наука о языке до настоящего времени не предложила адекватных алгоритмов описания гендерных номинаций.

Объектом исследования являются лексемы, используемые как гендерные номинации в творчестве Н.С. Гумилева.

Предметом исследования стала специфика номинативной репрезентации гендерных представлений в творчестве Н. Гумилева.

Цель исследования заключается в выявлении и интерпретации гендерных номинаций, участвующих в формировании образа мужчины и женщины в поэтических текстах Н.С. Гумилева.

Для реализации цели исследования мы поставили следующие **задачи**:

- 1) проанализировать современную научную литературу, посвящённую гендерным исследованиям, с целью формирования понятийно-терминологического аппарата и создания теоретической базы исследования; сравнить мнения различных лингвистов на определение *гендерная номинация*;
- 2) выявить особенности гендерной семантики анализируемых языковых средств в поэтических произведениях разных жанров (лирическое стихотворение, поэма, поэма-сказка);
- 3) обобщить результаты исследования и факты по проблеме, сделать выводы о её целесообразности и наметить перспективы дальнейшего изучения гендерных номинаций;
- 4) провести классификацию именованных, функционирующих в творчестве Н.С. Гумилева;
- 5) определить стилистическую значимость гендерных номинаций и описать их информативный потенциал в творчестве Гумилева;
- 6) составить алфавитные перечни найденных гендерных номинаций.

Методы исследования: метод сплошной выборки, метод семантического анализа языковых единиц, описательный метод.

Работа состоит из **двух глав**. **Первая глава** раскрывает понятие гендер в лингвистике, изучение гендерных номинации, а так же их типологию.

Вторая глава основана на анализе и классификации гендерных номинаций в творчестве Н.С. Гумилева.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

1.1. Возникновение понятия *гендер*

Социально и культурно значимые различия в поведении, обычаях и социализации в целом мужчин и женщин спорадически фиксировались в научном описании, особенно в антропологии и этнографии. Однако идея о разграничении понятий биологического пола и пола социального (гендер) возникла лишь в период постмодернизма.

В работах М. Розальдо, Л. Ламфере, Р. Унгер, А. Рич, Г. Рабин понятие *гендер* трактовалось как “набор соглашений, которыми общество трансформирует биологическую сексуальность в продукт человеческой активности” [12, с. 34].

В отличие от категории *sexus* гендерный статус и, соответственно, гендерная иерархия и гендерно обусловленные модели поведения задаются не природой, а “конструируются” обществом (*doing gender*), предписываются институтами социального контроля и культурными традициями [34]. Гендерные отношения являются важным аспектом социальной организации. Они особым образом выражают ее системные характеристики и структурируют отношения между говорящими субъектами. Основные теоретико-методологические положения гендерного концепта основаны на четырех взаимосвязанных компонентах: это культурные символы; нормативные утверждения, задающие направления для возможных интерпретаций этих символов и выражающиеся в религиозных, научных, правовых и политических доктринах; социальные институты и организации; а также самоидентификация личности. Гендерные отношения фиксируются в языке в виде культурно обусловленных стереотипов, накладывая отпечаток на поведение, в том числе и речевое, личности и на процессы ее языковой социализации.

Категория *gender* была введена в понятийный аппарат науки в конце 60-х - начале 70-х годов нашего века и использовалась сначала в истории,

историографии, социологии и психологии, а затем была воспринята и в лингвистике, оказавшись плодотворной для прагматики и антропоориентированного описания в целом. Гендерный фактор, учитывающий природный пол человека и его социальные “последствия”, является одной из существенных характеристик личности и на протяжении всей ее жизни определенным образом влияет на ее осознание своей идентичности, а также на идентификацию говорящего субъекта другими членами социума.

Термин *гендер*, таким образом, использовался для описания социальных, культурных, психологических аспектов “женского” в сравнении с “мужским”, то есть “при выделении всего, что формирует черты, нормы, стереотипы, роли, типичные и желаемые для тех, кого общество определяет как женщин и мужчин” [34, с. 16]. В этот период речь шла преимущественно о женских исследованиях (*women’s studies*).

В 80-е годы появилось более уравновешенное понимание гендера как проблемы не только экспликации женской истории, женской психологии и т.п., но и как проблемы всестороннего исследования женственности и мужественности и связанных с ними социальных и культурных ожиданий. В 90-е годы возникло направление, исследующее только мужественность, и пришло осознание того, что маскулинность имеет разные проявления в любом обществе; главное из этих направлений получило название доминирующей мужественности.

Вместе с тем в науке до сегодняшнего дня нет единого взгляда на природу гендера. Его относят, с одной стороны, к мыслительным конструктам, или моделям, разработанным с целью более четкого научного описания проблем пола и разграничения его биологических и социокультурных функций. С другой стороны, гендер рассматривается как конструкт социальный, создаваемый обществом, в том числе и посредством языка.

1.2. Становление гендерных исследований в отечественной филологии

В лингвистических исследованиях последних десятилетий особое место занимают вопросы, связанные с конструированием образа мужчины и женщины в языковом сознании. Антропоориентированный подход к изучению языка стал оформляться в период становления новой философии науки. Идеи постмодернизма и в частности постструктурализма повлияли на сферы интересов языкознания и способствовали рассмотрению языка как инструмента познания мира и человека в нём. Одновременно обнаружилась необходимость привлечения всё большего количества междисциплинарного знания в лингвистические исследования и подверглось научной рефлексии влияние социокультурного компонента на различные аспекты языка и коммуникации. Гендерный дискурс стал пониматься как неотъемлемая часть культурного дискурса, так как «он служит основой смыслопостроения и оказывает влияние на широкий спектр лингвистических вопросов» [17, с. 5].

Несмотря на то, что проблема взаимоотношения языка и пола интересовала людей ещё в античные времена, когда постулировались отношения прямой связи между полом и родом, системное изучение взаимосвязи этих двух компонентов началось лишь во второй половине XX века.

Периодизацию научных подходов к изучению корреляции пол /язык предлагает в своём исследовании А.В. Кирилина. Она выделяет три основных этапа: биологический детерминизм, переходный период, собственно гендерные исследования. **Биологический детерминизм** рассматривается как направление, оперирующее категориями биологии при описании элементов общественной жизни. Символично-семантическая гипотеза, основывавшаяся на соотнесении природной биологической категории «sexus» с грамматической категорией «genus», долгое время была единственной гипотезой, объяснявшей причины появления и

функционирования категории рода в языке. Длительное господство этой теории в лингвистическом описании объясняется интересом к ней учёных, оказавших огромное влияние на лингвистику в целом (И. Гердер, Я. Гримм, В. фон Гумбольдт). Тем не менее, исследования данного периода характеризуются спорадичностью, отсутствием репрезентативного материала и оценочности в интерпретации категории рода. Факты, накопленные на **протяжении переходного периода** (первая половина XX века), позволили усомниться в исключительно биологическом характере полового диморфизма, но в целом этот этап, как и предыдущий, признавал нормой мужской вариант языка, подчёркивая дефицитность женской языковой компетенции. Особо значимыми в начале прошлого века стали труды Э. Сепира, О. Есперсена, Ф. Маутнера, в которых пристальное внимание уделялось гендерной вариативности языка и коммуникации, однако самостоятельного направления ещё не сформировалось. Смена научной парадигмы и социальные изменения в обществе подготовили следующий этап гендерных исследований – **собственно гендерные исследования** [24, с. 36-58]. Если первые два этапа можно охарактеризовать структуралистическим подходом к исследованию языка и пола, то существенный вклад в развитие лингвистики на третьем этапе внесли когнитивная и социокультурная традиции, в рамках которых развивались такие направления, как феминистская лингвистика, изучение маскулинности, психолингвистическое изучение пола, лингвокультурологические, собственно гендерные и социолингвистические исследования.

Сильный импульс гендерные исследования получили в 60-е годы XX века благодаря развитию **социолингвистики**, которая рассматривала гендер как один из социопараметров наряду с возрастом, статусом и этнической принадлежностью при изучении языковой вариативности разных групп общества. В данном направлении можно отметить труды таких исследователей, как Б. Барон, Д. Камерон, Дж. Коатс, У. Лабов, П. Николс, П. Таджил, Д. Таннен, Дж. Холмс и др., предоставивших обширный

статистический материал о функционировании языка в различных социальных группах и продемонстрировавших влияние социокультурных факторов на речевые практики индивидов. Несмотря на методологические погрешности ранних социолингвистических работ, которые можно объяснить экстраполяцией конкретного материала на масштаб глобальных представлений о мужественности и женственности, данные исследования значительно углубили знания о гендере и расширили представления об особенностях речевого поведения мужчин и женщин.

Развитие «Нового женского движения» в США и Европе в 60-е годы XX века дало определённый толчок возникновению **феминистской лингвистики** или **феминистской критики языка**. Основополагающими работами в данном направлении считаются труды немецких исследовательниц Л. Пуш и С. Трёмель-Плётц, занимавшихся изучением лексикона немецкого языка на предмет выявления неравнозначной представленности мужского и женского компонентов в языковом сознании народа. Они утверждали, что язык фиксирует мужское видение мира и дискриминирует образ женщины в системе языка и речи [16, с. 513-514].

В отечественном языкознании изучение пола не получило ярко выраженной феминистской направленности, прежде всего, в связи с тем, что в России отсутствовала интеллектуальная и социальная история прав человека, кроме того, российская наука развивалась в советское время в условиях насильственной изоляции от мира, насаждения одной правильной теории и методологии в социальных науках, ограничения свободного развития идей [11, с. 174-175].

Тем не менее, в русской культурной парадигме, как и в западной, женское начало онтологически вторично и подчинено мужскому началу [37, с. 26], что отражается как в культурных стереотипах, так и в речевом поведении говорящих. В связи с этим у отечественных исследователей не может не возникать интереса к изучению проблем пола в рамках нового, постоянно развивающегося научного направления – гендерной лингвистики.

Под **гендерной лингвистикой** мы понимаем научное направление в составе междисциплинарных гендерных исследований, рассматривающее язык как ключ к изучению механизмов конструирования половой идентичности и позволяющее на основе структур языка получить информацию о том, какие поведенческие нормы для мужчин и женщин фиксируются в текстах разного типа, как меняется представление о гендерных нормах, мужественности и женственности во времени, как осмысливается мужественность и женственность в разных языках и культурах [36, с. 139].

В отечественной лингвистике гендерные исследования начали развиваться особенно активно в середине 90-х годов XX века, когда в русской научной терминологии появилось понятие *гендер* и российскому читателю стали доступны зарубежные труды по гендерной проблематике [23, с. 32-37].

Российские гендерные исследования многое переняли из разработок зарубежных лингвистов, однако на современном этапе в отечественной науке естественный язык всё меньше изучается с целью зафиксировать механизмы речевой дискриминации в языке и выявить в нём следы патриархата, и всё больше с целью определить, какие оценки приписываются мужчинам и женщинам в том или ином языке. Значительное количество работ посвящено изучению гендера в системе языка (А.А. Григорян, И.В. Зыкова, Д.Ч. Малишевская, Г.Г. Слышкин, В.Н. Телия и др.), особое внимание уделяется проблеме отражения гендерных стереотипов в языковом сознании, рекламе, средствах массовой информации (Е.И. Горошко, Е.С. Гриценко, А.В. Кирилина, М.В. Томская и др.), увеличивается количество работ, ориентированных на выявление гендерного сегмента в области паремиологии (О.А. Васькова, Е.Д. Звукова, И.В. Зыкова, Т.А. Новосельцева, Г.Ш. Хакимова и др.) и русской народной сказки (Н.Л. Пушкарёва, С.А. Коновалова), в то время как методика лингвистического исследования гендера в художественном дискурсе разработана недостаточно.

В целом, по мнению учёных, для гендерной лингвистики как относительно новой научной дисциплины актуален процесс выработки собственно гендерной методологии и приёмов исследования. На данном этапе языковеды оперируют методами анализа, которые были разработаны для лингвистических исследований, прибегая также к данным других гуманитарных дисциплин (психологии, социологии, истории, литературоведения и др.) [24, с. 136]. В научной среде ощущается необходимость формулировки принципов «гендерно чувствительной логики исследования традиционных проблем» и подчёркивается важность выявления и анализа «дискурсивных стратегий представителей всех типов гендерного сознания» [10, с. 49]. В настоящее время не вызывает сомнения тот факт, что гендерная лингвистика, пройдя долгий путь становления и формирования своей теоретической и эмпирической базы, является актуальным и приоритетным направлением в современной научной гуманитарной парадигме, позволяющим по-новому взглянуть на вечную проблему соотношения языка и пола.

1.3. Ключевые понятия гендерной лингвистики

Ключевым понятием гендерных исследований является *гендер* (от латинского «genus» – род), история возникновения которого представляется довольно своеобразной. Английский термин «gender», изначально обозначавший исключительно грамматическую категорию рода, был заимствован из лингвистического контекста и введён в исследовательское поле социальных наук, в которых к 1950-ым годам назрела необходимость разграничения биологического и социального в вопросах пола. После того как гендерные исследования получили статус междисциплинарного направления, «гендер» вернулся в языкознание из социальных наук в новом значении, которое призвано было подчеркнуть не природную, а социальную причину межполовых различий [26, с. 18-19].

Долгое время «пол» («анатомо-физиологические характеристики людей, на основе которых человеческие существа делятся на мужчин и женщин») считался первопричиной психологических и социальных различий между мужчинами и женщинами. В результате развития гендерных исследований стало очевидно, что с биологической точки зрения между мужчинами и женщинами гораздо больше сходств, чем различий, и такие характерные отличия полов, как высокий рост, бóльший вес, мускульная масса и физическая сила в первую очередь зависят от образа жизни и общественных устоев, а не от пола индивида (например, женщины из Северо-Западной Европы выше ростом, чем мужчины из Северо-Восточной Азии) [36, с. 20]. В связи с тем, что биологический пол не может быть объяснением разнообразия социальных ролей мужчин и женщин и различий в их поведении и эмоциональных характеристиках, в научный оборот было введено понятие «гендер», означающее «совокупность социальных и культурных норм, которые общество предписывает выполнять людям в зависимости от их биологического пола» [36, с. 21]. Быть мужчиной или женщиной в обществе значит не только являться носителем тех или иных анатомических особенностей, но и выполнять определённые гендерные роли.

В современных работах по гендеру неоднозначно представлен вопрос о том, кто из учёных первым взял на вооружение термин «гендер» и дал ему новое толкование. Так, например, в некоторых исследованиях бесспорное первенство в употреблении нового термина приписывается психоаналитику Р. Столлеру (1968 г.) [32, с. 7; 12, с. 11]. Н.Л. Пушкарёва утверждает, что понятие «гендер» было введено в оборот сексологом Дж. Мани (1955 г.) [34, с. 161], также существует мнение, согласно которому Дж. Мани и Р. Столлер делят между собой славу первооткрывателя новой дефиниции [6, с. 30].

Изучив ряд иностранных статей, посвящённых вопросам пола и гендера, мы пришли к выводу, что западные научные изыскания отличаются большей однозначностью в данном вопросе. Несмотря на то, что некоторые англоязычные исследователи указывают на более раннее (нежели было

предложено Дж. Мани и Р. Столлером) употребление термина «гендер» в значении социальной составляющей пола, служащей «демаркационной линией» между понятиями «феминность» и «маскулинность», а именно на страницах «Американского журнала по психологии» от 1945 года [42, с. 137], учёные традиционно сходятся во мнении, что Дж. Мани был первым, кто в 1955 году предложил использовать термин «пол» для разграничения мужчин и женщин в биологическом аспекте и термин «гендер» для поведенческих различий полов [45, с. 561]. Количественные данные, полученные Д. Хейгом в результате изучения заголовков научных статей за период с 1945 года по 2001 год, свидетельствуют о том, что с 1945 по 1959 год 14% статей оперировали термином «пол» и лишь 0,0004% – термином «гендер», что составляет 5 статей из 1 162 909 научных трудов. В этих 5 статьях в свою очередь 3 статьи использовали термин «гендер» в значении грамматического рода и лишь 2 статьи, автором которых был сексолог Дж. Мани, – в близком к современному значению [43, с. 89].

В одном из первых определений гендера было отмечено, что понятия «мужчина» и «женщина» коррелируют с термином «пол», в то время как термин «гендер» соотносится с категориями «мужской» («маскулинный») и «женский» («феминный»), которые часто могут быть независимыми от биологического пола. Таким образом, **гендер** определялся как степень «мужественности» и «женственности», проявляемой индивидом [44, с. 9].

А.В. Кирилина раскрывает соотношение понятий *пол* и *гендер* следующим образом. В её понимании природный пол является компонентом значения лексических единиц, воспроизводящих экзистенциальные параметры индивида, в то время как гендер отражает одновременно процесс и результат «встраивания» индивида в социально и культурно обусловленную модель мужественности и женственности, принятую в данном обществе на определённом историческом этапе. [26, с. 26-27]. Таким образом, по мнению А.В. Кирилиной, понятие **гендер** было введено в научное описание для того, чтобы провести границу между биологическим полом и

«социальными и культурными импликациями, вкладываемыми в концепты мужское-женское» [24, с. 29]. Гендерный подход позволяет построить для антропоориентированного изучения языка двухъярусную модель, представленную **метагендерным** (общечеловеческим) и **гендерным** (относящимся к тому или иному полу) уровнями, взаимоотношения между которыми зависят от общего контекста, культуры данного языкового сообщества, от структуры данного языка и многих других факторов [22, с. 9].

Е.С. Гриценко определяет **гендер** как «конвенциональный идеологический конструкт, в котором аккумулированы представления о том, что значит быть мужчиной и женщиной в данной культуре» [18, с. 6]. Она убеждена, что гендерное измерение актуально для всех уровней языковой системы и способствует более глубокому анализу семантики лексических единиц, пронизывая как денотативное, так и коннотативное значения, и формируя ассоциации, связанные со словом, в данном языковом сообществе [17: 13].

И.И. Халеева рассматривает **гендер** как «своего рода междисциплинарную интригу, в основе которой сплетается множество наук о человеке, о его не только биологической, но и социально и культурно обусловленной специфике, интриге как совокупности обстоятельств, событий и действий, в центре которых находится человек, личность » [39, с. 10]. Она считает необходимым подходить к гендеризму как к реальности, которая опосредуется знаками, символами и текстами.

С.Ю. Воробьёва отмечает, что «этический пафос гендера тесно связан с идеей консолидации и восхождением к пониманию человечности в новом, неиерархичном образе мира, когда ментальные различия, обусловленные физиологией, начинают восприниматься как факультативные по отношению к ряду категориальных особенностей человеческой личности и получают статус свободного выбора индивидуума» [10, с. 48].

Для Н.Л. Пушкарёвой **гендер** – это «система межличностных отношений, которая является основой общественной стратификации по

признаку пола» [34, с. 168]. Согласно её представлениям, оба понятия «мужчина» и «женщина» исторически контекстуальны. Таким образом, на наш взгляд, является более чем оправданным изучение гендера на материале художественных произведений, в которых фиксируется информация о культурно значимых элементах маскулинности и феминности как с позиции автора, так и в представлении общества в целом.

Многообразие толкований и подходов к интерпретации гендерной составляющей свидетельствует о том, что в науке до сих пор не выработано единого представления о природе гендера. Существующие научные подходы можно условно развести по двум направлениям. С одной стороны, гендер рассматривается как мыслительный конструкт/модель, культурный символ или культурная метафора.

В отечественном языкознании можно встретить ещё один подход к интерпретации гендера – так называемые псевдогендерные исследования, в которых термин *гендер* используется как синоним слова *пол*. Такая ситуация может складываться, когда авторы работ придерживаются биодетерминистских взглядов, т.е. полагают, что социальные роли и психологические характеристики предопределены биологией человека [36, с. 22], а также в том случае, если они не ставят перед собой задач дифференцировать понятия «пол» и «гендер» и употребляют последнее как более современный термин. В связи с этим растёт число так называемых терминологических окказионализмов, что усугубляет проблему недостаточной разработанности терминосистемы и понятийного аппарата современной гендерной лингвистики [25, с. 7].

Так, например, в статье «Общий род и гендерная семантика русских имён существительных: бигендерность или агендерность» Н.Д. Голева в сносках оговаривается, что термин «гендер» и его дериваты используются им как синонимы слова «пол» и его производные. По нашему мнению, подобное уравнение категорий «пол» и «гендер» не является целесообразным, поскольку может создавать определённую путаницу в понятиях. Термин

«агендерность», который Н.Д. Голев использует для обозначения класса одушевлённых существительных, способных с точки зрения их номинативного употребления обозначать живых существ обоих полов, независимо от грамматического рода этих существительных (судья, староста, денди – м.р., дитя, ваше высочество – ср.р., особа, кокетка, гнида – ж.р.), в психологии и смежных науках может обозначать отсутствие гендерной идентичности, отказ от идентификации себя с каким-либо гендером (ср. с асексуальностью). Можно предположить, что автор статьи использовал термин «гендер» в качестве эвфемизма для слова «пол» (подобная подмена часто наблюдается в отечественной науке [24, с. 122]), дабы избежать слова «половой», которое может быть интерпретировано как относящееся к сексуальной сфере (ср.: половые отношения), или по причине невозможности образовать русское слово, которое обладало бы нужной автору семантикой. Тем не менее, на наш взгляд, сомнительной остаётся необходимость образования новых для лингвистической науки терминов, русские аналоги которых уже введены в оборот и встречаются, например, в статье М.А. Кронгауза «Sexus, или проблемы пола в русском языке» (1996). Учёный отмечает, что пол является естественной категорией, которая охватывает все виды существ и задаёт удивительно чёткое разбиение этих существ на два класса. Подобная классификация в силу своей важности отражается в большей или меньшей степени во всех человеческих языках, поэтому, по его мнению, можно говорить о существовании **универсальной семантической категории пола**, копирующей соответствующую естественную категорию, а для конкретных языков – об определённых её трансформациях, специфике её выражения и даже об отдельных коррелирующих с ней грамматических категориях [29, с. 510-511]. Близким по значению представляется нам данное Н.Д. Голевым определение **гендерности**, которая «существует в языке не как грамматическая, а как понятийная или функционально-семантическая категория, выражаемая средствами разных уровней, в том числе, морфологическими средствами» [15, с. 16]. Определённая параллель

прослеживается между классификацией существительных на гендерные и агендерные, предложенной Н.Д. Голевым, и выделением М.А. Кронгаузом нескольких классов, которым соответствуют конкретные типы сексуальных парадигм. Лексемы «конь» и «лошадь» Н.Д. Голев причисляет к агендерным существительным, так как их оппозиция не имеет отношения к полу, а сами лексемы являются синонимическими и противопоставлены друг другу стилистикой, синтагматикой, нормативными контекстами [15, с. 23]. М.А. Кронгауз в свою очередь говорит о том, что слово «конь» – нейтрально по полу и является квазисинонимом слову «лошадь», а тройка «лошадь – кобыла – жеребец» относится к полной недефектной сексуальной парадигме (ср. с дефектной сексуальной парадигмой «кошка – кот») [29, с. 516]. Таким образом, в нашем представлении, понятие «нейтральный по полу» синонимично термину «агендерный» и является предпочтительным, когда речь идёт об анализе внутренних структур языка.

По мнению А.В. Кирилиной, в некоторых случаях российские авторы оправданно пользуются понятиями «гендер», «социальный пол» и «пол» как синонимами, однако термин «гендер» не может быть полностью заменён русским словом «пол», так как он осмысливается как конвенциональная сущность, в чём состоит его главное отличие от пола как биологической категории [24, с. 121-122]. Мы согласны с её точкой зрения на то, что гендер, исходя из его социальной и культурной, а не только природной обусловленности, представляет собой более широкое понятие, нежели «пол». В связи с этим осмелимся предположить, что пара «пол - гендер» находится в гиперо-гипонимических отношениях, в которых гиперонимом выступает «гендер», а гипонимом - «пол», поэтому использование слова «(социокультурный) пол» вместо «гендер» допустимо и обосновано, в то время как замена слова «пол» термином «гендер» может содавать трудности при прочтении специальной литературы. Следовательно, как нам представляется, можно рассматривать «гендер» как сочетание понятий «биологический пол» и «социальный пол». Подтверждением нашего

толкования пары «пол - гендер» могут служить слова А.В. Кирилиной, считающей, что «даже чисто биологические процессы в обществе приобретают социальную и культурную значимость, что и определяет их закрепление в языке, который сам принадлежит к социокультурным феноменам» [24, с. 122].

Не существует также по сей день единого взгляда на природу **гендерной метафоры**. В определении А.В. Кирилиной гендерная метафора характеризуется как сравнительно новое понятие, которое обозначает перенос физических и всей совокупности духовных качеств и свойств, объединённых словами «мужественность» и «женственность», на предметы, непосредственно с полом не связанные, например: *вечная женственность*, *мужественный поступок* и др. [24, с. 129-130]. Согласно другой точке зрения, гендерная метафора рассматривается также как метафорические именованья мужчин и женщин, выступающие в качестве средства маркирования «типично мужских» и «типично женских» качеств на основе уподобления явлениям разных понятийных рядов [35, с. 48].

Под **гендерной метафорой** мы будем понимать перенос свойств и качеств, характерных для той или иной группы людей, объединённых на основе какого-либо признака, на предметы и явления окружающей действительности, а также на мужчин и женщин по принципу аналогии, например: *Катерина – настоящая уголовница; Вовка, ну ты и баба!* и под.

Далее определим ещё несколько ключевых для нашего исследования терминов. Концепция **андрогинности** вместо традиционной дихотомии мужского и женского предусматривает многообразие психологических типов, разделяющих людей на феминных индивидов с выраженными традиционно женскими чертами (мягкость, эмоциональность и др.); маскулинных индивидов с выраженными традиционно мужскими чертами (честолюбие, решительность и др.); андрогинных индивидов, сочетающих в себе как традиционно женские, так и традиционно мужские качества, или недифференцированных индивидов, не обладающих выраженными ни

феминными, ни маскулинными чертами [40: 249]. При этом считается, что в современном мире андрогинность даёт женщинам много преимуществ, предоставляя широкий выбор поведенческих норм для овладения большим спектром исполняемых ими социальных ролей

Под **маскулинностью** и **феминностью** понимается комплекс телесных, психических и поведенческих признаков, отличающих мужчину от женщины, а также совокупность «возможностей и ожиданий, детерминирующих социальную практику той или иной группы, объединенной по признаку пола» [36, с. 142]. Выделяются три разных значения феминности/маскулинности:

- маскулинность/феминность как дескриптивные категории, обозначающие комплекс психических и поведенческих особенностей, объективно присущих мужчинам и женщинам;
- маскулинность/феминность как прескриптивные категории, обозначающие систему предписаний, которым необходимо следовать, чтобы достичь нормативного эталона мужественности/женственности;
- маскулинность/феминность как аскриптивные категории, обозначающие совокупность социальных представлений о том, какими являются мужчины и женщины и какие качества им присущи [30, с. 230].

Синонимичными категориям «маскулинности» и «феминности» зачастую принимаются категории «мужественности» и «женственности». Понятия «мужественность» и «женственность» метафоричны по своей природе и в силу семантической двуплановости воздействуют на сознание носителей языка, вынуждая их связывать абстрактные категории «мужественность» и «женственность» с мужчинами и женщинами. В связи с тем, что в процессе категоризации человеческое сознание идёт от конкретного к общему, сама номинация категорий «мужественности» и «женственности» была мотивирована конкретным человеческим опытом – наличием двух типов людей. Именно поэтому внутренняя форма этих двух категорий отсылает к людям разного пола и заставляет приписывать им

качества, свойственные этим категориям, что в свою очередь способствует формированию гендерных стереотипов [28, с. 26]. Однако, по мнению некоторых исследователей, следует отличать понятия «маскулинность» / «феминность» от терминов «мужественность» / «женственность». **Мужественность** – понятие нравственности, которое обозначает не совокупность мужских качеств, а морально-психологическое свойство, проявление которого в равной степени приветствуется как у мужчин, так и у женщин. Под **маскулинностью** подразумевается не столько мужественность, сколько набор ожидаемых образцов и норм поведения, характерных исключительно для мужчин. В научной литературе также были «разведены» такие термины, как «патриархатный» и «патриархальный». Соотношение этих понятий представлено Е.И. Трофимовой следующим образом: **патриархальный** – связанный со стариной, верный традициям, обычаям; **патриархатный** – идущий из исторической перспективы принцип архаичной организации общества с зафиксированным в нём неравенством и жесткой регламентацией полоролевых отношений [38, с. 179].

Таким образом, **гендер** является ключевым понятием современного гуманитарного знания, без исследования которого невозможен полноценный анализ языка и речи. Ввиду новизны данного понятия и отсутствия устоявшейся теоретической базы, многие ключевые термины гендерологии до сих пор трактуются исследователями по-разному (гендерная метафора, гендер, маскулинность и др.). Поэтому одной из насущных задач изучения гендера в современной гуманитарной науке является систематизация терминологии и устранение дублирования понятий в научной номенклатуре.

1.4. Понятие номинации применительно к гендерным исследованиям

Номинация (лат. *nominatio* – наименование) – в языкознании процесс наименования, при котором языковые элементы соотносятся с обозначаемыми им объектами. В номинации различаются три стороны:

именуемый объект, именующий объект, языковые средства, среди которых производится отбор [1, с. 155].

Объектом номинации может быть отдельное понятие, предмет, признак (мужчина, сильный, сила), предмет с его признаком (сильный мужчина), целое событие (Огонь!), в связи с чем различают лексическую и пропозитивную (выражаемую словосочетанием или предложением) номинацию. Отбираемый при номинации признак, который берется за основу наименования, создает внутреннюю форму последнего, таким образом, один и тот же объект может получать разные названия по своим разным признакам.

Внешняя форма наименования определяется избираемыми при номинации лексико-грамматическими средствами языка, так что одинаковые по внутренней форме наименования различают по их внешней форме (старый человек – старик) [14, с. 98]. Закономерности номинации проявляются не только в готовых номинативных средствах языка (слова, словосочетания, грамматические формы), но и в каждом акте речи, где наименование объектов происходит на основании определенного отбора их признаков [1, с. 172].

Номинация мужчин представлена собственными именами, а также нарицательными существительными, называющими лица.

Раздел лингвистики, занимающийся всесторонним изучением собственных имен, называется ономастикой (от греч. *onomastikys* давать имена) [31, с. 54]. Имена собственные используются для обозначения широкого и разнообразного круга предметов, явлений, понятий.

Человек имеет имя, отчество, фамилию, может иметь прозвище, псевдоним. Это антропонимы (от греч. *anthropos*- человек, *онума* – имя, название). Наука, изучающая антропонимы, – антропонимика. Антропонимы мужчин в сказках относятся к объектам изучения исторической антропонимики [2, с.37].

В современном языкознании антропонимию изучают не только лингвисты, но и представители смежных гуманитарных специальностей. Синтез лингвистики, этнографии, фольклористики и истории религии, как и соучастие этих разнородных дисциплин ради комплексного изучения антропонимии, занимающей в традиционной русской духовной культуре своё почетное место, оказывается актуальнейшим направлением современного гуманитарного знания, перед которым стоит задача объединения и переосмысления, накопленных разными направлениями знаний о человеке и человечестве [2, с.44]. Очень сложно провести четкую грань между языком и культурой, поэтому нельзя не согласиться с Трубачевым О.Н., который в решении проблемы личных собственных имён видит один из наиболее эффективных ответов на вопрос о взаимосвязи языка фольклора и речевой культуры [31, с.63].

Понятие антропонима менялось от эпохи к эпохе, от народа к народу.

Первоначально атропонимы – прозвища синтетически объединяли в себе современные имя и фамилию. С возникновением канонизации личные имена отмежевываются от прозвищ, становясь классом фиксированных слов.

Н.В. Подольская конкретизирует понятие антропонима как: «Личное имя – основное имя, данное человеку при рождении или выбранное для себя взрослым человеком, и неофициальная форма этого имени» [33, с.15]. Например, Алексей (Алёша, Лёша). Отчество – именование человека, произведённое от имени отца. Например, Ильич, Ильинична.

По номинативной функции собственным именам существительным противопоставлены нарицательные существительные.

Нарицательные существительные служат обобщенными наименованиями однородных предметов.

Любое нарицательное имя, если оно нам известно, вызывает в сознании определенные представления о том, что им названо. Слыша слово «берёзка», мы соотносим его с лиственным деревом, у которого белая кора, а цветки

напоминают серёжки. Совокупность перечисленных признаков образует понятие, которое составляет основу лексического значения слова «берёзка».

Связь с понятием – характерный признак нарицательных имён.

Различие между собственными и нарицательными именами заключается ещё и в том, что нарицательное имя служит названием как конкретного предмета, так и целого класса, к которому данный предмет относится так и целого класса, к которому данный предмет относился [5, с.112].

Собственное имя, в отличие от нарицательного, обычно даётся одному предмету, является как бы его собственностью.

Нарицательное имя включает в себя определенную информацию. Оно называет объект и описывает его. Поэтому чаще всего нарицательное имя даётся предмету неслучайно.

Собственные имена по отношению к предмету чаще всего носят случайный характер. Они называют предмет, не описывая его.

Абстрактный семантический компонент «лицо, лица» в значениях отдельных слов конкретизируется как 1) «человек, люди»; 2) «мифическое существо, уподобляемое человеку»; 3) «целенаправленно действующий субъект, приравниваемый к человеку, – тот, кто». Все слова, содержащие в своём значении данные семантические компоненты, принадлежат к классу имён [7, с.203].

Класс имен лиц представляет собой весьма сложную, разветвленную и многоуровневую организацию лексических множеств и подмножеств. Построение классификации осуществлено путем разбиения всего массива имен лиц на множества по признаку общности лексических тем, находящихся в отношениях оппозиции или соположения. Выделенные на последних шагах разбиения конечные лексические ряды обладают своей внутренней организацией, но они не могут далее члениться на тех же основаниях, что и другие, более широкие и стоящие выше объединения, так как такое членение приводит к распаду лексического ряда на отдельные единицы – словозначения или небольшие группировки, противостоящие

какому-нибудь одному слову. Некоторые ряды словозначения, в силу многочисленности входящих в них единиц, могут получать дальнейшее членение, но не больше, чем на одну или две ступени. Приводимая ниже классификация имен лиц воспроизводит строение лексического древа со множеством ветвей, расходящихся от вершины к основанию. Это древо возглавляется общими значениями самых широких множеств и завершается конечными лексико-семантическими рядами.

Классификация открывается противопоставлением множеств «реальные лица, люди» – «религиозные, мифологические, сказочные, фантастические человекоподобные существа». Второе из названных подмножеств, возглавляемое семантической доминантой «существо, подобное человеку». Но членится далее на основании сужения и конкретизации смыслов отдельных значений, так как последние представляют собой целостности семантических компонентов одного уровня абстракции. Распределение словозначений по завершающим рядам здесь основывается на отнесенности соответствующих единиц к сфере религии, мифологии, сказочной или научной фантастики [13, с.161].

Подвершинное множество «реальные люди, лица» членится далее на подмножества: 1) «лицо, человек» 2) «совокупности лиц». Второе из этих подмножеств имеет от одной до трех ступеней членения. Оно включает как собирательные слова (люди, профессура, студенчество), так и названия собственно множеств, группировок, объединений лиц (люди, народ, отряд), и членится далее на общие обозначения и названия совокупностей лиц, характеризующихся по какому-либо признаку с последующим вычленением конечных рядов [1, с.197].

Подмножество «лицо, человек» – наиболее сложное: оно имеет до двенадцати ступеней членения. Первично здесь выделяются подмножества:

-общие значения;

-названия лица по характерным признакам.

Первое из названных подмножеств представляет конечный лексический ряд и объединяет слова, по своим значениям противостоящие единицам двух подмножеств по признаку «общее – частное» [13, с.88].

Второе подмножество объединяет слова, значения которых формируются комплексом иерархически организованных семантических признаков, отражающих свойства лица. Эти слова расходятся далее по нисходящим ветвям лексического древа. В ряде случаев такие комплексы настолько диффузны, что отнесение соответствующих единиц к тем или иным узким лексическим объединениям оказывается в достаточной степени условным; например, слова «иноземец, иностранец, чужестранец» совмещают в своих значениях компоненты: «сопоставление, соотнесение с другим лицом» и «соотнесение к территории, стране» – имеют право входить в каждый из лексических рядов, возглавляемых соответствующей семантической доминантой [13, с.92]. Аналогичны слова типа «барич, генеральша» и т.д., характеризующие лицо по сословному положению и по отношению родства; слова типа «карапуз, акселерат» и т.д., включающие в свое значение семантические признаки «возраст» и «физическое развитие, здоровье». Решение о принадлежности таких слов к определенному лексическому ряду в каждом конкретном случае решается в опоре на сходство языковых характеристик, а также на их связи с ближайшими семантическими партнерами [5, с. 124].

Подмножество «названия лиц по характерному признаку» имеет весьма сложное внутреннее строение [13, с.94]. Принадлежащие ему лексические единицы квалифицируют человека по присущим ему самым разнообразным признакам. В зависимости от качества этих признаков на следующем уровне членения выделяются подмножества названий лиц:

- по отношению к расе, национальности, а также территории, к месту жительства по местонахождению;

- по интеллектуальному, интеллектуально-эмоциональному, интеллектуально-эмоционально-физическому состоянию, свойству, качеству и их проявлению;
- по социальному свойству, средоточию в лице характерных социальных черт своего времени, по характерному социальному состоянию, действию, функции, по личным и общественным отношениям, связям;
- по профессии, специальности, роду занятий, характеру деятельности и связанными с ними действиями, отношениями;
- по физическому, психологическому состоянию, свойству, действию.

В целом классификация имен наглядно демонстрирует, какими широкими и разнообразными средствами располагает русский язык для именования человека и шире – лица [13, с.101].

ВЫВОДЫ ПО ПЕРВОЙ ГЛАВЕ

1. Гендерный параметр как неотъемлемая часть дискурса может выступать смыслопорождающим и текстообразующим элементом, в связи с чем влияет на широкий спектр филологических проблем. Гендерный сегмент активно изучается в системе языка, языковом сознании, паремиологии, фразеологии, рекламе и русской народной сказке, однако методика лингвистического исследования гендера в художественном дискурсе разработана на данный момент недостаточно. Неоспоримым является тот факт, что изучение гендера в современной антропоориентированной гуманитарной парадигме носит приоритетный характер, так как помогает по-новому взглянуть на вечную проблему соотношения языка и пола.

2. Терминологическая система гендерной лингвистики находится в стадии становления, поэтому многие ключевые понятия этой науки до сих пор трактуются учёными по-разному (гендерная метафора, маскулинность и др.). Существуют также паронимические термины, часто используемые одними

исследователями как синонимы, а другими как разные понятия (патриархатный/патриархальный, феминный/фемининный). В связи с этим является важной систематизация терминологической базы современной лингвистической гендерологии.

3. Язык содержит разные средства выражения гендера (от фонетических до синтаксических), поэтому корректное определение маркеров, эксплицитно или имплицитно подчёркивающих гендерную семантику языковой единицы, способствует более глубокому анализу литературного произведения. Наиболее отчётливым образом гендер проявляется на лексическом уровне.

4. Гендер представляет собой когнитивный феномен, который конструируется индивидом в процессе коммуникации, а также закрепляется в языке в виде гендерных стереотипов, которые в свою очередь частично воспроизводят сведения о гендерных концептах. Комплексный филологический анализ художественного текста способен раскрыть содержание гендерных стереотипов и концептов, актуальных в период определённого отрезка времени.

6. В русском языковом сознании образ женщины в первую очередь связан с такими положительными качествами, как сила, самостоятельность, стойкость, терпеливость, рассудительность, красота, в то время как образ мужчины имеет менее выраженную положительную оценку.

ГЛАВА 2. НОМИНАЦИИ МУЖЧИН И ЖЕНЩИН В ТВОРЧЕСТВЕ Н.С. ГУМИЛЕВА.

Гендерные номинации в творчестве поэта играют особую роль в раскрытии содержания лингвокультурной традиции в жизни человека.

Творчество Н.С. Гумилева совершенно не похоже на обычную русскую поэзию: его произведения яркие, экзотичны, фантастичны, написаны всегда в мажорном ключе. В них господствует редкая в русской литературе нота – любовь к приключениям и мужественный романтизм. Источниками вдохновения для Гумилева стали некоторые произведения изобразительного искусства, литературные сюжеты, а также стихи символистов, например, Брюсова и Бальмонта. Принципы акмеизма Н. Гумилёв сформировал при осмыслении своей собственной поэтической практики. Акмеисты описывали в своих произведениях земную жизнь, деятельность человека, главный их герой – не созерцатель, а деятель земной красоты.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что мужские и женские образы в произведениях Гумилева самые разнообразные – мифологические, сказочные, образы реально существовавших людей, литературных персонажей, исторических личностей. У них разные индивидуальные характеры, разные по происхождению, и (если это мифические герои) разная магическая сила. В положительные образы мужчин (рыцарей, мудрецов, героев) Гумилев вкладывал представления о мужской силе, храбрости, смелости, уме и т.д. А в положительные женские образы – представления о красоте, смелости, мудрости, трудолюбии и т.д.

Исследуя семантику номинации мужчин и женщин в творчестве Н.С. Гумилева, мы выделили следующие группы имен:

1. Группы по лексико-грамматическому разряду:

- имена собственные;
- имена нарицательные.

2. Группы по семантико-функциональному признаку:

- обозначающие лиц по возрасту;
- обозначающие лиц по родству;
- обозначающие лиц по роду занятий;
- обозначающие лиц по социальному положению;
- обозначающие лиц по физическим свойствам и по качеству характера;
- обозначающие лиц по отношению к мифическому миру;
- обозначающие литературных героев;
- обозначающие реально существовавших людей.

В процессе исследования было проанализировано 367 стихотворений Гумилева, из которых методом сплошной выборки было извлечено 198 единиц наименований мужчин в 1063 употреблениях и 74 лексемы, обозначающих женщин, в 362 употреблениях.

2.1. Имена собственные как номинации мужчин и женщин в творчестве Н.С. Гумилева

Номинация мужчин и женщин в творчестве Н.С. Гумилева мало исследована, но, несомненно, является интересной темой для антропонимики.

В исследуемом материале мы выделили среди номинаций 153 единицы в 330 употреблениях имен собственных для номинации мужчин и женщин.

2.1.1. Имена собственные как номинации мужчин в творчестве Н.С. Гумилева.

По данным картотеки, было выделено 120 единиц в 239 употреблениях собственного имени в качестве номинации мужчин.

Чаще всего встречаются отдельно имена или фамилии (*Шекспир, де-Гама, Сергей, Да Винчи, Немрод, Иуда*). Сочетание имени и фамилии характерно для реально существовавших людей (*Николай Энгельгардт,*

Иннокентий Анненский, Марко Поло, Леконт де Лиль), но в одном случае и для литературного героя (*Сирано де Бержерак*). В двух случаях мы наблюдаем сочетание полного имени, отчества и фамилии: *Михаил Леонидыч Лозинский, Корней Иванович Чуковский*.

Были выделены наименования мужчин, состоящие из сочетания титула и фамилии: *дон Жуан, маркиз де Грие, маркиз де Карабас*.

Одними из самых частотных номинаций являются имена героев мифологии и библии: *Адам* – 15 употреблений, *Христос* – 10 употреблений, *Люцифер* – 9 употреблений, *Синдбад* – 8 употреблений.

При анализе отобранных единиц, мы разделили их на несколько групп.

1. Обозначающие мифических героев (греческая, восточная, библейская мифология и др.):

- самые частые по количеству употреблений: *Христос, Адам, Люцифер, Геракл (Геркулес), Одиссей*;

- единичное употребление: *Асмодей, Кухулин, Сваран, Фингал, Пантелеймон, Немврод*.

- всего выделено 39 единиц.

2. Обозначающие реально существовавших людей:

- самые частые по количеству употреблений: *Данте, Вольтер, Северянин, Брюсов*;

- единичное употребление: *Абеляр, Челлини, Игорь Васильич, Марий, Леконт де Лиль*;

- всего выделено 65 единиц.

3. Обозначающие литературных персонажей:

- самые частые по количеству употреблений: *Гамлет, Фауст, дон Жуан*;

- единичное употребление: *Сирано де Бержерак, Отелло, Гулливер*;

- всего выделено 10 единиц.

4. Обозначающие героев, придуманных Гумиевым:

- самые частые по количеству употреблений: *Валентин, Ахмет-Оглы, Тен-Вей;*

- единичное употребление: *Диего, Сергей, Коля;*

- всего выделено 6 единиц.

Отметим, что среди имен собственных, используемых для номинации мужчин в творчестве Н.С. Гумилева, самой обширной группой является группа номинаций, обозначающих реально существовавших людей, второй по количеству представленных номинаций является группа номинаций, обозначающих мифических героев.

В целом, одними из самых популярных номинаций в произведениях Гумилева – именно мифические герои. С древних времен миф был инструментом не только для осознания мира, но и для его аксеологического упорядочивания. В контексте поэтического творчества Н. Гумилева в связи с этим особый интерес представляет авторский адамический миф, восходящий к библейской легенде о первом человеке.

Представляется, что Адам для Гумилева не только первый поэт и носитель мироощущения адамизма – «мужественно-твердого и ясного взгляда на жизнь» но и универсальный мифологический прототип для героев лирики.

Адам – первый мужчина на земле, его образ является отсылкой ко всему первозданному, юному, неопытному.

«И в юном мире юноша Адам,

Я улыбаюсь птицам и плодам,

И знаю я, что вечером, играя,

Пройдет Христос-младенец по водам,

Блеснет сиянье розового рая...»

«От плясок и песен усталый Адам

Заснул, неразумный, у Древа Познания... »

Но в тоже время этот образ отсылает нас к первому греху.

*«И многое видит смущенный Адам:
Он тонет душою в распутстве и неге...»
«И страшно Адаму, и больно от света,
И рвет ему мозг нескончаемый гром.
Вот огненный смерч перед ним закрутился,
Он дрогнул и крикнул... и вдруг пробудился...»*

В стихотворении «Сон Адама» заснувший у Древа Познания герой видит сон, в котором узнает о грядущем изгнании и о будущем всего человечества. Адам одновременно «тонет душою в распутстве и неге».

*«Адам, униженный Адам,
Твой бледен лик и взор твой бешен,
Скорбишь ли ты по тем плодам,
Что ты срывал, еще безгрешен?»
«Мне странно сочетанье слов — «я сам»,
Есть внешний, есть и внутренний Адам....»*

Следовательно, номинация Адам несет в себе не только положительные черты.

Имя Христос является вторым по частоте употреблений. Отображает образ жертвенности, проповедничества, наставлений, помощи слабым и калекам.

*«И волны глухо говорят,
Что в море бурный шквал унес
На дно к обителям наяд
Ладью, в которой плыл Христос...»
«Христос сказал: «Убогие блаженны,
Завиден рок слепцов, калек и нищих,
Я их возьму в надзвездные селенья,
Я сделаю их рыцарями неба
И назову славнейшими из славных...»*

Также это образ чистоты, зарождения религии.

*«Пройдет Христос-младенец по водам,
Блеснет сиянье розового рая...»*

Гумилев называет Иисуса «искателем небес» (в стихотворении «Христос»). Избранная для наименования Спасителя перифраза используется поэтом для выражения его личного отношения к евангельскому образу. С помощью всего лишь одного словосочетания Гумилев создает собственный портрет Божественного Сына: странника, который, как и любой смертный, находится в поиске истины.

*«Из двух соблазнов, что я выберу,
Что слаще — сон иль горечь слез?
Нет, буду ждать, чтоб мне, как рыбарю,
Явился в облаке Христос...»*

*«Но в дымке уж заметны острова,
Где раздадутся тайные слова,
И где венками белоснежных роз
Их обвенчает Иисус Христос...»*

Отрицательный же образ представлен образом Люцифера – падшего ангела, символа всего темного и тайного. Мотив смерти закономерно возникает в поэтической системе Гумилева. В многоликих отражениях последних минут жизни возникает образ Люцифера, который представляет теневую сторону личности мужественного романтика.

*«Мы услышим робкий, тайный шаг,
Мы с тобой увидим Люцифера.*

...

*Люцифер прокрадется, как тень,
С тихими вечерними тенями...»*

*«Но когда воздушный лунный знак
Побледнеет, шествуя к паденью,
Снова станет трупом старый маг,
Люцифер - блуждающею тенью...»*

*«Там стоят высокие гробницы,
Огненные грезы Люцифера,
Там блуждают стройные блудницы...»
«Всё, всё, что ласкает надменное сердце,
На том корабле нам привез Люцифер.»*

Люцифер зачастую буквально противопоставляется Господу, но в то же время показывается, что они неразрывно связаны и граничат друг с другом:

*«Высокий дом Себе Господь построил
На рубеже Своих святых владений
С владеньями владыки-Люцифера...»*

Очень часто Гумилев в своих стихотворениях обращается к своим современникам и коллегам или упоминает их, часто в сатирическом плане.

*«К таким неожиданным и невучим бредням
Зовя с собой умы людей,
Был Иннокентий Анненский последним
Из царскосельских лебедей...»
«Корней Иванович Чуковский, вот,
Попал я к босоногим дикарям,
Кормлю собой их я и повар сам —
Увы, наверно, выйдет стих урод.
Корней, меня срамите Вы...»
«Беда пришла для символиста: Брюсов,
Решил: «Теперь мне Северянин люб».
Юдоль печали Федор Сологуб
Сказал: «И я не из породы трусов»».
«Орлы над бездной, где же <простыня?>
Любимая, что ласково маня,
Открыл под вами Игорь Северянин?»*

Помимо использования имен собственных, обозначающих коллег и современников, Гумилев часто употребляет номинации, связанные с

обозначением исторических личностей – правителей, полководцев, деятелей искусства. Именно группа номинаций, обозначающих реально существовавших людей, является самой обширной среди имен собственных.

«Где пел Гюго, где жил Вольтер,

Страдал Бодлер, богов товарищ...» - отрывок из стихотворения «Франция»

При помощи этих номинаций Гумилев создает в своих произведениях временное и географическое пространство упомянутых личностей (*«И нет, не нам, твоим жрецам / Разбить в куски скрижаль закона / И бросить пламя в Notre-Dame / Разрушить стены Пантеона...» - отрывок из стихотворения «Франция»*).

Исходя из приведенных примеров, можно сделать вывод, что имена собственные, используемые как номинации лиц мужского пола, разнообразны. Часто используются номинации для упоминания исторических личностей, а также современников Гумилева – эта группа номинаций наиболее количественно представлена. По количеству употреблений самой продуктивной является группа номинаций, обозначающих героев мифологии.

2.1.2. Имена собственные как номинации женщин в творчестве Н.С. Гумилева.

Имен собственных, используемых для номинации женщин, было выделено 33 единицы в 91 употреблении.

Среди женских номинаций в основном встречаются только имена (*Изида, Ева, Беатриче*). Потом, в выводах и заключении, надо вернуться к этой мысли и написать это как особенность негерных номинаций – у мужчин более развернутые номинации, чем у женщин. В единичном случае представлены следующие номинации:

- выраженная именем и фамилией – *Манон Леско;*
«Пей вино, простись с тоскою,

И заманчиво-легко

Ты добудешь — прежде Хлою,

А теперь Манон Леско...»;

- выраженная именем и отчеством – *Вера Алексеевна*;

«И, улыбаясь, одна

Вера нас ждет Алексеевна...»;

- выраженная сочетанием имени и родственной связи – *тетя*

Алина;

«Дивные очи смежив,

Словно у тети Алины...»

Имена собственные, используемые для номинации женщин в творчестве Гумилева также можно распределить по группам, аналогично мужским номинациям.

1. Обозначающие мифических героев (греческая, восточная, библейская мифология и др.):

- самые частые по количеству употреблений: *Ева, Лилит, Мария, Мадонна*;
- единичное употребление: *Маб, Астрея, Пенелопа, Изида*;
- всего выделено 15 единиц.

2. Обозначающие реально существовавших людей:

- единичное употребление: *Вера Алексеевна, Комнена, Элоиза*;
- всего выделено 3 единицы.

3. Обозначающие литературных персонажей:

- самые частые по количеству употреблений: *Беатриче*;
- единичное употребление: *Хлоя, Дездемона, Манон Леско, Армид, донна Анна*;
- всего выделено 6 единиц.

4. Обозначающие героев, придуманных Гумилевым:

- самые частые по количеству употреблений: *Маргарита*;
- единичное употребление: *тетя Алина, Диана, Лай-Це, Василиса*,

Аня, Маша;

- всего выделено 9 единиц.

Среди имен собственных, используемых для номинации женщин в произведениях Н.С. Гумилева, больше всего номинаций, обозначающих героинь мифов и легенд разных народов.

Самым частотным в употреблении Гумилевым является имя *Ева*. Данная номинация встречается в 13 употреблениях. Аналогично употреблению номинации Адам, Гумилев нас отсылает к библейским мифам и образу прародительницы Евы, первой женщины.

«Ты об Еве слыхала, конечно, не раз,

О праматери Еве, хранящей очаг»

«Как плодоносная жена,

Как прародительница Ева...»

«Я, как первый человек,

А она, как Ева, кроткая...»

Но также Гумилев использует образ Евы как первой грешницы. Тем самым показывает, что данный образ может быть разносторонним.

«Скорбишь ли ты о той поре,

Когда, еще ребенок-дева,

В душистый полдень на горе

Перед тобой плясала Ева?»

«И тут же, у подножья древа,

Уста — как некий райский цвет,

Из-за какого мать Ева

Благой нарушила завет...»

В своем творчестве Гумилев даже сравнивает (и противопоставляет) образы двух библейских женщин Евы и Лилит.

«Ты еще не узнала себя самоё.

Ева — ты иль Лилит?»

Таким образом Гумилев показывает, что женские номинации могут иметь не только положительную оценку.

Первая жена Адама, согласно оккультной каббалистической традиции, для Гумилева означает божественную сторону женского образа. С ней связана сфера небесного, потустороннего, Ева же наделена подчеркнуто бытовыми атрибутами и выражает земную ипостась женщины.

*«У Лилит — недоступных созвездий венец,
В ее странах алмазные солнца цветут:
А у Евы — и дети, и стадо овец,
В огороде картофель, и в доме уют...»*

Заключительные строки стихотворения говорят о том, что в рамках гумилевского мифа Лилит и Еву следует считать именно двумя сторонами одного архетипического образа, а не самостоятельными персонажами.

*«Но всегда и повсюду – от Евы Лилит, –
Он тебя сохранит от тебя же самой»*

Номинация *Лилит* также одна из частотных, встречается в 6 употреблениях. Лилит в произведениях Гумилева не является демоническим образом, а наоборот, преподносится как нечто космическое, запредельное, мистическое и даже светлое.

*«И ты вступила в крепость Агры,
Светла, как древняя Лилит,
Твои веселые онагры
Звенели золотом копыт...»*

Помимо номинации Ева и Лилит, Гумилев использует еще две библейские номинации – *Дева Мария* (3 употребления) и *Мадонна* (5 употреблений), что, по сути, относятся к одному и тому же образу, который раскрывается в классическом ключе – заботливой матери Иисуса.

*«Так хорошо и привольно
В ложе предвечного света.
Дева Мария довольна...»*

*«И последняя милость, с которою
Отойду я в селенья святые,
Дай скончаться под той сикоморою,
Где с Христом отдыхала Мария...»*

*«Мария держит Сына Своего,
Кудрявого, с румянцем благородным,
Такие дети в ночь под рождество,
Наверно, снятся женщинам бесплодным...»*

*«В трехъярусном сиянье
Мадонну и Христа,
Пыланье
Латинского креста...»*

*«Он поклялся в строгом храме
Перед статуей Мадонны...»*

Помимо номинаций, обозначающих героинь библейских мифов, Гумилев использует номинации женщин, относящиеся к другим различным мифологиям, например такие, как *Андромеда, Изида, Паллада, Пенелопа, Афродита. Маб и т.д.*

Помимо этого, мы выделили еще одну частотную женскую номинацию – *Беатриче*. Образ из «Божественной комедии» Данте используется в 7 употреблениях.

*«Знаете ль вы, что недавно
Бросила рай Беатриче...»*

*«Жил беспокойный художник.
В мире лукавых обличий —
Грешник, развратник, безбожник,
Но он любил Беатриче...»*

*«Чтоб пронеслось с уступа на уступ
Задумчивое имя Беатриче
И чтоб не хор мэнад, а хор девичий*

Пел красоту твоих печальных губ...»

В стихотворениях Гумилева раскрывается не только литературный образ Беатриче, но и её прототип – возлюбленная и муза Данте.

*«В этом мире есть большие звезды,
В этом мире есть моря и горы,
Здесь любила Беатриче Данта,
Здесь ахейцы разорили Трои!»*
*«Чьей мыслью мы теперь живем и дышим,
Чьи имена звучат нам как призывы?
Искупят чем они свое величье,
Как им заплатит воля равновесья?
Иль Беатриче стала проституткой,
Глухонемым — великий Вольфганг Гете
И Байрон — площадным шутком... О, ужас!»*
*«Я это сам не раз испытывал,
Я солью моря грудь пропитывал,
Над Арно, Данте чтя обычай,
Слагал сонеты Беатриче...»*

Подводя итог, можно сказать, что имена собственные, используемые Н.С. Гумилевым для номинации женщин, чаще всего имеют положительную оценку, создают образ женственности, мудрости, заботы. Помимо этого имеются и номинации, имеющие относительно отрицательную оценку.

По итогам проведенного анализа гендерных номинаций в творчестве Н.С. Гумилева нами был составлен рисунок 1, в котором мы отразили процентное соотношение женских и мужских номинаций.

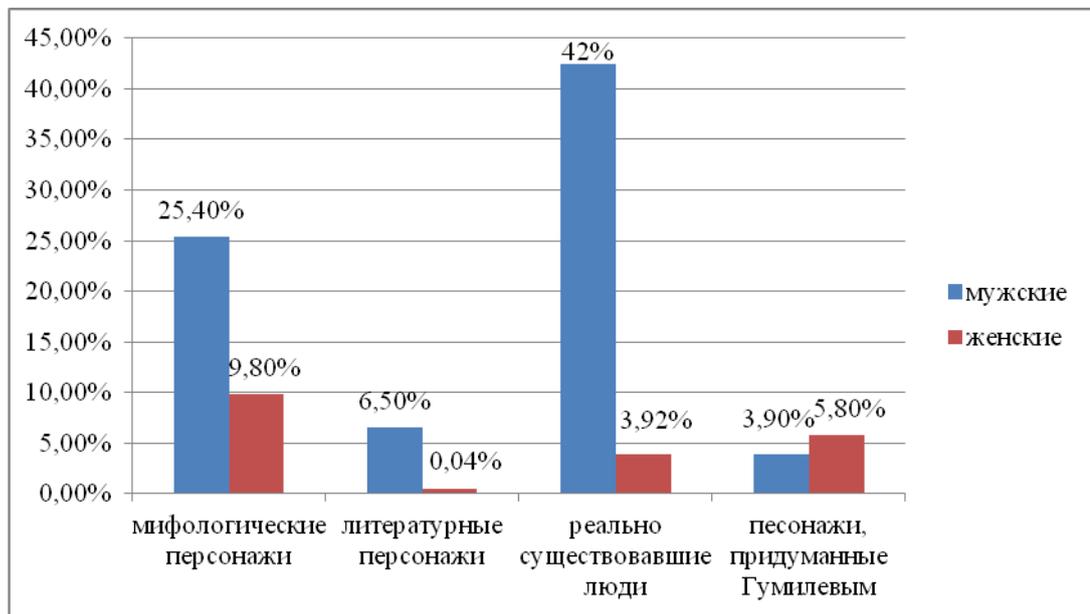

Рисунок 1 – Процентное соотношение мужских и женских номинаций, представленных именами собственными.

2.2. Имена нарицательные как номинации мужчин и женщин в творчестве Н.С. Гумилева.

2.2.1. Имена нарицательные, используемые для номинации мужчин по социальному признаку.

Номинация мужских образов по социальному положению составляет 11 единиц в 112 употреблениях: *Вождь, царь, король, властитель, принц, повелитель, Император, сенатор, бургомистр, князь, Великий визирь.*

Самыми продуктивными являются: «король» – 30 употреблений, «царь» – 21 употребление, «принц» – 17 употреблений.

В русском народном мышлении «царь» – это правитель собственной страны, а «король» – чужой.

«Царь» – в русский язык пришло из Византии, и имело изначальный смысл – властелин земли, являясь производным латинского слова – caesar (кесарь, цезарь). В произведениях Гумилева персонажи с таким наименованием обладают большой властью, богатством и могуществом. Их желания выполняются беспрекословно. Он жесток и безжалостен. Таким образом номинация «царь» несет в себе в большей степени негативную оценку.

«Могучий царь суров и гневен,

Его лицо мрачно, как ночь...»

«Я стал властителем вселенной,

Я Божий бич, я Божий глас,

Я царь жестокий и надменный...»

Король – государь, управляющий королевством; владельческий сан, почитаемый ниже императора. Наиболее распространенная версия возникновения слова «король», восходит к собственному имени Карла Великого, чья империя в начале IX века простиралась от Пиренеев до Дуная.

«Мы прекрасны и могучи,

Молодые короли,

Мы парим, как в небе тучи...»

«И там ты будешь королевой,

Как я могучим королем...»

Гумилев в образ номинации «король» вкладывает не только могущество и власть, но и обратную сторону этих качеств – слабость и одиночество.

«В том замке высоком никто не живет,

Лишь я его гордый король...»

«Он бедный не знает, бояся меча,

Что властный рыдает король.

По-прежнему тих одинокий дворец,

В нем трое, в нем трое всего:

Печальный король и убитый певец

И дикая песня его...»

Принц – в русском языке в общем случае, сын короля или иного монарха соответствующего ранга. Это наименование имеет двойное значение: показывает родственное отношение и социальное положение.

«Здесь принцы, грезили о крови и железе,

А девы нежные о счастье вдвоем...»

«Вид принявши молодецкий,

Принц несется на охоту...»

«Принц не слушает и мчится,

Белый панцирь так и блещет...»

Гумилев через номинацию «принц» раскрывает образ молодого, безудержного юноши, стремящегося к подвигам. Кроме того образ характеризуется безрассудностью, необдуманностью.

Исходя из приведенных примеров, мы можем отметить, что образы, создаваемые мужскими номинациями по социальному признаку, чаще всего имеют негативную характеристику.

2.2.2. Имена нарицательные, используемые для номинации женщин по социальному признаку.

Имен нарицательных, используемых для номинации женщин по социальному положению выделено 9 единиц в 50 употреблениях: *царевна, царица, королева, императрица, синьория, госпожа, герцогиня, принцесса, маркиза.*

Наиболее частотными являются следующие номинации: «царица» – 27 употреблений, «принцесса» – 9 употреблений, «королева» – 4 употребления, «царевна» – 3 употребления.

Наименование «царица» используется в 27 употреблениях, а «королева» – в 4 употреблениях. Частотность употребления первого слова больше почти в 8 раз, чем у второго, хотя по значению эти существительные очень близки.

Царица – жена царя. В творчестве Гумилева этот образ возвышен, праведен и благороден.

*«О древних сказочных царицах,
О львах в короне из цветов,
О черных ангелах, о птицах,
Что гнезда вьют средь облаков...»
«Живописцы писали царя Соломона
Меж царицею Савской и ласковым львом...»
«Праведны пути твои, царица,
По которым ты ведешь меня...»*

Королева – жена короля, либо правящая женщина. Гумилев показывает образ королевы утонченным, достойным восхищения и преданности.

*«А в роскошной форме гусарской
Благосклонно на них взирал
Королевы мадагаскарской
Самый преданный генерал...»*

*«Но нежданно в темном перелеске
Я увидел нежный образ девы
И запомнил яркие подвески,
Поступь лани, взоры королевы...»*

Царевна – это дочь царя, которая не правит государством, но в будущем может стать царицей. «Царевна» имеет двойную семантику: «социальный статус» и «родственные отношения». Гумилев в своих произведениях сотворил образ кроткой и робкой царевны.

*«Могучий царь суров и гневен,
Его лицо мрачно, как ночь,
Толпа испуганных царевен
Бежит в немом смятеньи прочь...»*
*«Оля смертельно бледна,
Словно из сказки царевна...»*

Принцесса (от лат. «первый») – в Западной Европе женский вариант титула нецарствующего члена королевского дома; лицо, носящее этот титул. Сравнимо с номинацией Царевна, имеет двойную семантику. Образ номинации «принцесса» таков: юная, прекрасная девушка, которую стремятся защищать, спасти и боготворить.

*«В темных покрывалах летней ночи
Заблудилась юная принцесса.
Плачущей нашел ее рабочий,
Что работал в самой чаще леса...»*
*«В глубине средневековья
Я принцесса, что, дрожа,
Принимает славословья
От красивого пажса...»*
*«И я принцессе на горошине
Всю кровь мою отдать готов...»*

Подводя итог, отметим, что женские номинации по социальному признаку и образы, которые они создают, несут в себе в большей степени положительную оценку. Персонажи с наименованием «царевна», «королевна», «принцесса» выполняют в творчестве Гумилева, как и в волшебных сказках, особую функцию: либо являются «наградами» или предметами обожания и восхищения, либо сами эти женские образы проходят определенные испытания.

2.2.3. Имена нарицательные, используемые для номинации мужчин по возрасту

В текстах произведений Гумилева было выявлено 4 наименования по возрастному критерию в 44 употреблениях: *старик, старец, мальчик и юноша*.

Самым продуктивным оказалась номинация «мальчик» – 18 употреблений. Номинация «старик» употребляется в 15 случаях, «юноша» – 8 употреблений. Наименее продуктивная номинация «старец», употребляется лишь в трех случаях.

Мальчик – это ребёнок мужского пола, или же это слуга-подросток в частном доме, в каком-нибудь заведении.

*«Эй, мальчик, неси нам
Вина скорее,
Малаги, портвейну,
А главное — виски!»*
*«Милый мальчик, томный, томный
Помни — Хлои больше нет...»*

Образ номинации «мальчик» раскрывается Гумилевым как нечто чистое, легкое, неопытное, легкомысленное, имеющее склонность максимализировать чувства и эмоции.

*«Я — как мальчик, схваченный любовью
К девушке, окутанной шелками...»*

*«Его, как мальчик страстный и влюбленный,
В свои объятия примет Азраил...»*

Старик – это мужчина пожилого возраста. Создает образ человека отягощенного опытом, прошедшего через многие жизненные испытания. Зачастую поучающий, иногда ворчливый, но мудрый. В некоторых случаях он немощный, в некоторых могучий и величавый, а иногда и негодный. Образ номинации «старик» в творчестве Гумилева разнообразен и может иметь как положительную, так и отрицательную оценку.

*«И с думой о сыне там бодрствует ночи
Старик величавый с седой бородою,
Он грустен...»*

*«...старик угрюмый и костлявый,
Нудный и медлительный рабочий...»*

*«Когда вы будете большою,
А я — негодным стариком,
Тогда, согбенный над клюкою,
Я вновь увижу Ваш альбом...»*

Юноша – молодой мужчина, в начале своего рассвета, полный сил и уверенности, но пока еще не опытный, не «набивший шишек».

*«Ну, собирайся со мною в дорогу,
Юноша светлый, мой сын Телемах!»*

*«Я пугаюсь, чего ей надо,
Я не юноша Ганимед,
Надо мною небо Элады
Не струило свой нежный свет...»*

*«И в юном мире юноша Адам,
Я улыбаюсь птицам и плодам...»*

Наименования по возрастному признаку важны для обозначения уровня мышления и физической силы. Если «юноша», то непременно молодой и энергичный, но с нехваткой опыта. Если «старик», то немощный,

но с большой мудростью. Если «мальчик», то чистый и наивный, но склонный к множеству разнообразных эмоций.

2.2.4. Имена нарицательные, используемые для номинации женщин по возрасту

В исследуемых текстах было выделено 6 единиц, обозначающих женщин по возрастному признаку в 106 употреблениях: *Дева, старуха, девушка, дама, баба, девочка.*

Часто употребляемыми являются следующие номинации: «*девушка*» – 53 употребления, «*дева*» – 32 употребления, «*дама*» – 9 употреблений, «*девочка*» – 8 употреблений. Наименее продуктивные номинации: «*старуха*» – 3 употребления, «*баба*» – 1 употребление.

Девушка – это лицо женского пола, достигшее половой зрелости, но ещё не вступившее в брак. Стилистически эта номинация нейтральная, Гумилев в своих стихотворениях создает положительный образ данной номинации. В его творчестве девушки прекрасны, молоды и полны мечтаний.

*«Их рвут, их бросают в большие корзины
Красивые девушки с пеньем влюбленным...»*
*«Сестра моя вышла, с ней девушка-чудо,
Вся в белом и с розами, словно невеста...»*
*«Там пальмы тонкие вносили ветви,
Как девушки, к которым Бог нисходит...»*

Дева – молодая женщина, в своем творчестве Гумилев номинацию «*дева*» соотносит с возвышенностью, красотой и нежностью.

*«Одна так нежно розовеет,
Как дева, милым смущена...»*
*«Она живет, святая дева...
О ней уже гремит молва...»*
*«Лазурных глаз не потупляя,
Она идет, сомкнув уста,*

*Как дева пламенного рая,
Как солнца юная мечта...»*

Зачастую в произведениях Н.С. Гумилева номинация «дева» встречается в сочетании с приложением.

*«Ты — дева-воин песен давних,
Тобой гордятся короли...»*

*«И память о Деве-птице
Долетит до иных столетий...»*

*«Я люблю ее, деву-ундину,
Озаренную тайной ночной...»*

Старуха – женщина, достигшая старости, опытная, но уже слабая физически. В творчестве Н.С. Гумилева данная номинация приобретает оттенок негативной оценочности. Старухи в его произведениях связаны с колдовством, гаданием и чем-то потусторонним.

*«Отодвинув тяжкие засовы,
На пороге суеются духи,
Жабы и полуночные совы,
Колдуны и дикие старухи...»*
*«Она любила свои мечтанья,
Беседку в чаще камыша,
Старух гадалщиц, и их гаданья...»*

Наибольшее количество употреблений наименований лиц женского пола в творчестве Гумилева оказалось именно в данной группе, чем в остальных, несмотря на то, что единиц было выделено малое количество. В некоторых случаях номинации по возрасту могут иметь и стилистическую окраску, например в номинации «дева».

2.2.5. Имена нарицательные, используемые для номинации мифических лиц мужского пола.

На исследованных материалах нами было выявлено 4 единицы обозначения мифологических существ мужского пола: *троль, гном, полубог, людоед*. Случаев употребления данных единиц – 15.

Наиболее продуктивные номинации «*гном*» – 8 употреблений и «*людоед*» – 5 употреблений. Остальные встречаются в единичном случае.

Гном в произведениях Гумилева - маленький человечек, лишенный большой силы, иногда наделенный положительной оценочностью, в некоторых случаях, наоборот, – отрицательной.

*«И под развесистой сосной
Танцуют маленькие гномы...»
«По стенам опустевшего дома
Пробегают холодные тени,
И рыдают бессильные гномы...»
«Я нанял комнату с одним окном,
Приют швеи, иссохшей над машинкой,
Где, верно, жил облезлый старый гном...»*

Образ номинации «*людоед*», во всех случаях употребления в произведениях Гумилева, имеет отрицательную оценку. «*Людоед*» – дикарь, поедающий себе подобных, злой и беспощадный.

*«За пределами Веледа
Есть зачатые дороги,
Там я видел людоеда
На огромном носороге...»
«Вдруг... жилище людоеда —
Скал угрюмые уступы,
И, трофеем его победы,
Полусъеденные трупы...»*

Гумилев достаточно часто в своих произведениях отсылает нас к мифическому и магическому миру. Имен нарицательных данной категории мы выделили немного, но они играют роль проводников из привычного мира – в мир мифический, загадочный и древний.

2.2.6. Имена нарицательные, используемые для номинации мифических лиц женского пола.

По обозначению мифических существ женского пола было выделено 10 единиц наименований в 62 употреблениях: *дриада, богиня, фея, русалка, ундина, муза, наяда, нимфа, nereида, валькирия*.

Самая часто встречающаяся номинация в данной группе номинаций «муза» употребляется в 15 случаях. Помимо этого, наиболее продуктивными именами нарицательными являются номинации «богиня», «русалка» и «дриада», каждая из приведенных номинаций встречается в 9 случаях употребления. Наименьшее количество употреблений у номинаций «валькирия» и «nereiда», они встречаются в единственном употреблении.

Известно, что мифологических персонажей высшего уровня славяне называли «бог» и «богиня». Образ номинации «богиня» говорит нам о ее всесильности, власти, магических силах.

«Спокойный и строгий, на мраморных скалах,

Он молится Смерти, богине усталых...»

«Но что мне розовых харит

Неисчислимые услады?!

Над морем встал алмазный щит

Богини воинов, Паллады...»

«И в солнца ткань облечена,

Она великая святыня,

Она не бледная жена,

Но венценосная богиня...»

Русалка – мифологический персонаж, встречающийся в легендах и мифах у многих народов, девушка с очень привлекательной внешностью и рыбьим хвостом вместо ног, живущая в озере, реке или море. Ее образ манящий, но нечестивый.

*«У русалки мерцающий взгляд,
Умирающий взгляд полуночи,
Он блестит, то длинней, то короче,
Когда ветры морские кричат.
У русалки чарующий взгляд,
У русалки печальные очи...»
«На русалке горит ожерелье
И рубины греховно-красны...»*

Дриады в древнегреческой мифологии лесные нимфы, покровительницы деревьев. Дриады – немногие из нимф, которые смертны. Номинация «дриада» в стихотворениях Гумилева связана с образом юных, веселых дев, немного легкомысленных и шаловливых.

*«Покинув луг, цветы и лес,
Шалила юная дриада...»
«В лесу, где часто по кустам
Резвились юные дриады»
«И девы–дриады,
С кристаллами слез о лазурной весне,
Вкусили отраду,
Забывшись в осеннем, божественном сне...»*

Гумилев использует номинации, обозначающие мифологических персонажей женского пола, чаще для возвышения женского образа, приближения его к небесному, божественному.

2.2.7. Имена нарицательные, используемые для номинации мужчин по признаку родства

Было выявлено 8 номинаций родственных отношений в 100 употреблениях: *сын, брат, дед, прадед, отец, жених, муж, внук*.

Наиболее частотными наименованиями оказались «*брат*» в 34 употреблениях, «*отец*» в 20 употреблениях, «*сын*» и «*жених*» в 16 употреблениях, «*внук*» в 7 употреблениях. Редко встречаются номинация «*муж*» в 3 употреблениях, а также двух употреблениях встречаются номинации «*прадед*» и «*дед*».

Номинация «*брат*» используется для обозначения родственных связей, а также в качестве определения духовной близости между героями произведения.

«Брат мой, я вижу глаза твои тусклые,

Вместо доспехов меха леопарда...»

«Я вспоминаю, что, ненужный атом,

Я не имел от женщины детей

И никогда не звал мужчину братом...»

«Сердце прыгало, как детский мячик,

Я, как брату, верил...»

Отец – мужчина по отношению к своим детям. В произведениях Гумилева «*отец*» – старший наставник, горячо любимый и уважаемый родственник.

«И с нежным именем «отец»

Сойду в обители Эреба...»

«Пусть скорей приходит та, что хочет

Моего отца женой стать милой!

Мой отец ее приветно встретит,

Рисом угостит и не ударит...»

*«На то ли, отец, я родился и вырос,
Красивый, могучий и полный здоровья...»*

Номинация «сын» в произведениях Гумилева обозначает мальчика или юного мужчину по отношению к своим родителям. Он юн, полон сил и любим своими родителями.

«И с думой о сыне там бодрствует ночи

Старик величавый с седой бородою...»

«Ну, собирайся со мною в дорогу,

Юноша светлый, мой сын Телемах!»

«Мария держит Сына Своего,

Кудрявого, с румянцем благородным...»

В жизни любого человека семья играет огромную роль. В своих произведениях Гумилев использует номинации, обозначающие мужчин по родственному признаку, чтобы определить основные функции героев произведения.

2.2.8. Имена нарицательные, используемые для номинации женщин по признаку родства.

Номинаций, обозначающих лиц женского пола по родству, нами было выявлено 9 единиц в 71 употреблении: *жена, сестра, невеста, мама, мать, дочь, правнучка, внучка, супруга*.

Чаще всего употребляется номинация «жена» – в 19 случаях. Частотными также являются номинации «невеста» (18 употреблений) и «сестра» (12 употреблений). В единичном употреблении встречаются номинации «правнучка», «супруга» и «внучка».

Жена – женщина по отношению к мужчине, состоящему с ней в браке. В большинстве анализируемых текстах жена восхищает своего мужа. Она нежна, трепетна и прекрасна. К этой же характеристике можем отнести номинацию «супруга».

*«Что лик жены подобен раю,
Обетованному Творцом...»*
*«Что нежность тела трепетной жены
Нежней цветов и звезд, мечтания и веры...»*
*«От начала мира уважает
Мандарин законную супругу...»*

Номинация «сестра» имеет два значения: первое – это дочь тех же родителей или одного из них по отношению к другим их детям, второе – это единомышленница, товарищ в каком-нибудь общем деле.

*«И шарабанчик, где сестры сидят,
Нежные, стройные, словно былинки...»*
*«Муза Дальних Странствий обнимала
Зою, как сестру свою теперь...»*
*«И в ней живет твоя сестра,
Беспечно-юная дриада...»*

Невеста – это девушка или женщина, вступающая в брак. Её образ в произведениях Гумилева светлый, нежный, невинный и кроткий.

*«Сестра моя вышла, с ней девушка-чудо,
Вся в белом и с розами, словно невеста...»*
*«Вспоминал о любви, об ушедшей невесте,
Об обрывках давно миновавших событий...»*
*«Она идет, краса дриад,
Стыдливо-белая невеста...»*

Гумилев использует номинации, обозначающие лица женского пола по признаку родства, чтобы показать значимость женщин в семейных отношениях, эти номинации возвышают женщину.

2.2.9. Имена нарицательные, используемые для номинации мужчин по роду занятий.

Номинации мужчин по роду занятий выявлено 41 наименование в 227 употреблениях: *инквизитор, ашкер, преступник, поэт, певец, гонец, всадник, пророк, рыцарь, чародей, странник, моряк, конквистадор, скульптор, маг, мореплаватель, трибун, сенатор, бургомистр, дворецкий, привратник, жрец, капитан, консул, паж, герольд, флибустьер, пастырь, рыбарь, хозяин, пират, матрос, гимназист, тюремщик, бродяга, трущобник, избранник, стрелок, пастух, художник, францисканец.*

Самой частотной является номинация «*поэт*», используется в 44 употреблениях. Часто употребляемыми являются также номинации «*рыцарь*», «*всадник*», «*пророк*», «*конквистадор*». Каждая из данных номинаций встречается в 11 случаях употребления.

В основном номинации данной группы непродуктивны и встречаются единожды, например, в единичном случае употребляются следующие номинации: *трибун, сенатор, ашкер, преступник, флибустьер и др.*

Номинация «*поэт*» наиболее часто встречающаяся. Ведь роль поэзии в жизни – ключевое место в мировоззрении поэта. Поэзия для Гумилева глубоко ритуальна. Николай Гумилев отдается ей полностью и этим гордится. «*Поэт*» предстает у него жрецом, который строчками – заклинаниями способен судить и корректировать действительность.

*«Тайные думы поэта
В сердце его прихотливом
Стали потоками света,
Стали шумящим приливом...»
«И, символ горнего величья,
Как некий благостный завет,
Высокое косноязычье
Тебе даруется, поэт...»*

Но за такие привилегии необходимо платить:

«И если я волей себе покоряю людей,

И если слетает ко мне по ночам вдохновенье,

И если я ведаю тайны — поэт, чародей,

Властитель вселенной — тем будет страшнее паденье...»

Конквистадор – испанский завоеватель, покоритель новых земель. Повторение номинации «конквистадор» тоже не случайно в творчестве Гумилева, тот создал сборник под названием «Пути конквистадоров». Аналогично мотиву поэта и поэзии появляется другой повторяющийся мотив – осознание необходимости жертвы и неотвратимости гибели на пути конквистадора; как не случайности, но платы, части ритуала. Например, стихотворение «Конквистадор», где герой, умирая, не отказывается от цели:

«А пламя клубилось

И ждал конквистадор,

Чтоб в смерти открылось

Ему Эльдорадо...»

Конквистадор даже согласен принять смерть в качестве проводника к цели.

«И пел конквистадор,

Привязан у пальмы:

«До области ада

Извели даль мы...»...»

Данная группа номинаций является самой часто употребляемой в произведениях Н.С. Гумилева, а также наиболее количественно представленной среди групп номинаций имен нарицательных.

2.2.10. Имена нарицательные, используемые для номинации женщин по роду занятий.

В исследуемом материале нами было выделено 9 единиц номинаций, используемых для обозначения женщин по роду занятий, в 15

употреблениях. Выделенные номинации: *няня, танцовщица, актриса, проститутка, гадалщица, гувернантка, гимназистка, наложница, служанка.*

Номинации в данной группе встречаются в единичном случае употребления, за исключением номинаций «*танцовщица*» (5 употреблений) и «*наложница*» (3 употребления).

Со второй половины 19-го века в Европе значительно усилился интерес к традициям восточной культуры и духовности. Большое внимание уделил этой теме и Н. С. Гумилёв. В творческой биографии поэта найдётся немало фактов, свидетельствующих о любви к Востоку. Использование номинаций «*танцовщица*» и «*наложница*» не случайно. У Гумилева есть целый цикл произведений посвященных восточной тематике. Помимо любви к востоку и путешествиям в Азию, Гумилев неоднократно посещал Африку и вдохновлялся ей.

Таким образом, мы видим образы «*танцовщиц*» на берегах Нила, в городах Ливана. Они прекрасны, стройны и покорны своей судьбе.

*«Я — танцовщица с древнего Нила,
Мне — плясать на песке раскаленном...»
«Пуускай приведут мне танцовщиц Сидона
И Тира, и Смирны... во имя Венеры...»
«Если, словно золото на черни,
Видны ноги стройных танцовщиц?»*

Номинация «*наложница*» также неразрывно связана с восточной культурой. Покорная раба, выполняющая указания своего господина и исполняющая его прихоти.

*«Если нет детей у мандарина,
Мандарин наложницу заводит...»
«И сегодня вошла в мой альков,
Как наложница, робкой и смиренной...»*

Данная группа номинаций представлена не так широко, как аналогичная группа номинаций мужчин. Можно сделать вывод о том, что женщины в произведениях Гумилева чаще выступают не как работницы, а как музы, как нечто возвышенное.

2.2.11. Имена нарицательные, используемые для номинации мужчин по физическим свойствам и качеству характера.

По признаку качества нами было выявлено 10 наименований в 25 употреблениях: *безумец, горбун, грешник, развратник, безбожник, бунтовщик, евнух, силач, глупец, злодей.*

Наиболее продуктивной является номинация «*грешник*». Данная номинация встречается в 6 случаях употребления. В единичном случае употребления выделены номинации «*безбожник*», «*евнух*», «*развратник*».

Грешник – человек, совершивший грех, живший неправедной жизнью. В стихотворениях Н.С. Гумилева «*грешники*» признают свои проступки, просят о милости, оправдываются и стараются заслужить прощения.

«Я грешник страшный, я злодей...»

Прости, Господь, прости меня...»

«Ведь я не грешник, о Боже...»

Даже такие люди достойны прощения и любви.

«Жил беспокойный художник.

В мире лукавых обличий —

Грешник, развратник, безбожник,

Но он любил Беатриче...»

Злодей – человек, который совершает злодеяния или преступления. Семантически номинацию «*злодей*» можно назвать синонимом номинации «*грешник*».

«Нет, я жив, только связан... злодеи, злодеи,

Отпустите меня, я не в силах смотреть!..»

«Я грешник страшный, я злодей:

Мне Бог бороться силы дал,

Любил я правду и людей;

Но растоптал я идеал...»

Анализируя данную группу номинаций, мы можем сделать вывод о том, что в большинстве случаев данные номинации имеют негативную оценку.

2.2.12. Имена нарицательные, используемые для номинации женщин по физическим свойствам и качеству характера.

По данным картотеки было выделено 7 наименований по физическому свойству и по качеству характера в 17 употреблении: *забавница, своенравница, прелестницы, красавица, плясунья, блудница, милая.*

Номинация «красавица» встречается в 7 случаях употребления в анализируемых текстах, в 4 случаях употребления встречается номинация «милая». Остальные номинация употребляются в единичном случае.

Красота для женского образа в лирическом произведении является важной составляющей. Причем, внешняя и внутренняя соединяются.

«Я красавиц таких, ...

Не встречал никогда и нигде,

Ни в заморской стране, ни в восточной...»

«Она смуглянка, побеждает

Надменнейших красавиц рой,

Сверканье глаз ее вселяет

В пресыщенность огонь былой...»

Номинация «милая» обозначает девушку приятную на вид, располагающую к себе, хорошую. В анализируемых произведениях номинация «милая» чаще всего используется для обращения к девушке (возлюбленной) или упоминания её.

«Туда, где я дышать не смею,
 Где милая моя живет...»
 «И в твоей лишь сокровенной грусти,
 Милая, есть огненный дурман...»
 «Не думай, милая, что день настанет,
 Когда, взбесившись, разорвет он цепи...»

Отметим, что группа номинаций, обозначающих лиц женского пола по физическим свойствам или качеству характера, представлена в основном номинациями с положительной оценочностью. Лишь две из отобранных номинаций имеют негативную оценку.

Проанализировав все гендерные номинации, выраженные именами нарицательными, мы составили рисунок 2, в котором отразили процентное соотношение мужских и женских номинаций разных семантических групп.

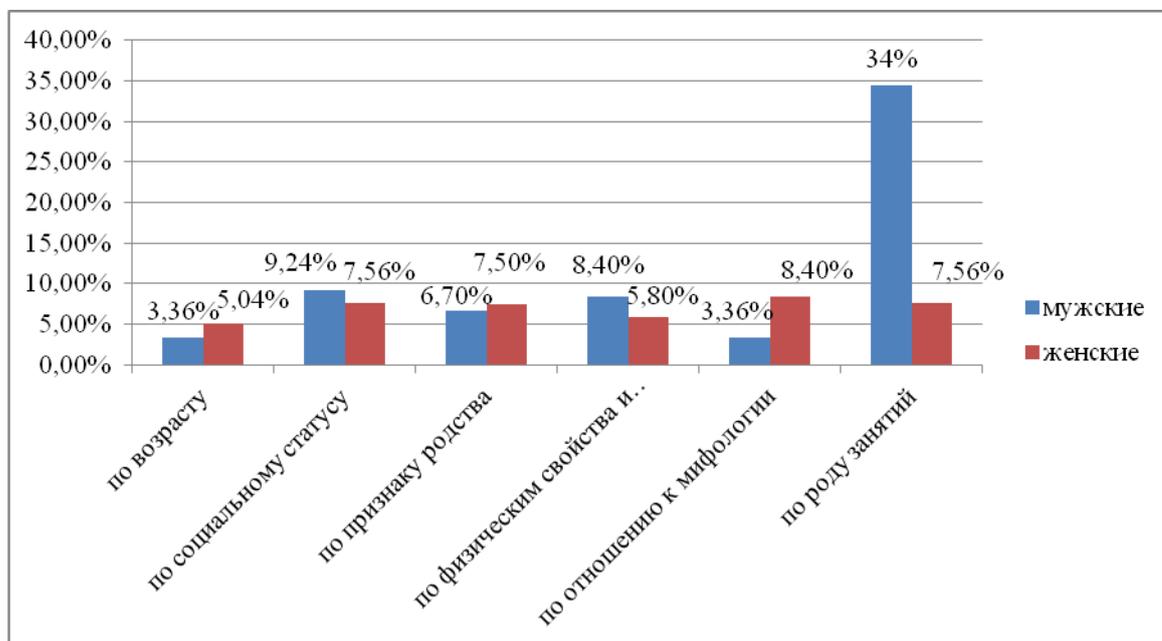

Рисунок 1 – Процентное соотношение мужских и женских номинаций, представленных именами нарицательными.

ВЫВОДЫ ПО ВТОРОЙ ГЛАВЕ

1. Ведущее место в творчестве Гумилева занимает человек как личность и все проявления его сущности в материальной и духовной культуре человечества.

2. В художественном мире Гумилева мужчина представлен семантически амбивалентно. С одной стороны, ему присущи типично мужские качества, подчёркивающие его храбрость, выносливость, с другой, его несовершенство, слабость, склонность к порокам. В преобладающем большинстве поэтических текстов мужские номинации не имеют негативной коннотации, но встречаются номинации, имеющие отрицательную оценочность.

3. Образ женщины в Гумилевской поэзии в большинстве случаев возвышен, обожествлен. С другой стороны, мы выделяем и номинации, имеющие негативную коннотацию. Стоит отметить, что в произведениях Гумилева женским образам не приписываются черты маскулинности.

4. Мужчины и женщины в поэтических текстах Н. Гумилева мифологизируются, помещаются в разные культурные и временные контексты, наделяются противоречивыми качествами, что помогает поэту создать свой уникальный художественный код, который способствует раскрытию индивидуальной образной системы автора.

5. Мужские номинации представлены в количественном превосходстве, а также имеют более частое употребление, что может свидетельствовать об андрогинной направленности творческого сознания Н.С. Гумилева.

6. В структурном плане имена собственные, используемые для номинаций мужчин, более развернуты, чем женские. Женские номинации в большинстве своем представлены именами или фамилиями, в то время как мужские могут быть представлены именем и фамилией или именем, отчеством и фамилией.

7. Изучение гендерного параметра языковых средств предоставляет исчерпывающие знания о структуре и семантике гендерных концептов, которые лучше всего изучать в живой ткани поэтического дискурса с учётом собственно лингвистических явлений и экстралингвистических факторов. Гендерные концепты способны качественно модифицировать семантическую структуру текста, обогатив как его эмотивный, так и эстетический коды.

Рисунок 1 – Процентное соотношение мужских и женских номинаций, представленных именами нарицательными.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Гендерная лингвистика является быстро формирующейся наукой, оперирующей широким диапазоном лингвистических и общенаучных методов исследования. Она успешно прошла стадию становления на отечественной научной почве и в настоящее время считается приоритетным исследовательским направлением, позволяющим по-новому взглянуть на проблему отражения человеческого фактора в языке.

Категория гендера как социокультурного пола раскрывает новые грани в структуре знаний о мужском и женском началах. Гендер как дискурсивный параметр конструируется индивидом в речевой деятельности. В процессе построения автором художественной действительности этот параметр также видоизменяется и модифицируется, преобразуя семантическую и структурную ткань произведения.

В настоящий момент в лингвистическом научном диапазоне гендер рассматривается с двух основных позиций: 1) как элемент коммуникативного поведения личности (мужское/женское письмо, мужской/женский стиль речи); 2) как элемент концептуальной картины мира, зафиксированной в культурных текстах определённой эпохи.

Материалами данного исследования стали произведения Н.С. Гумилева. Нами было проанализировано 367 стихотворных произведений, из которых методом сплошной выборки было извлечено 272 единицы наименований мужчин и женщин в 1425 употреблениях. Среди отобранного материала для исследования было 198 единиц мужских номинаций и 74 лексемы, используемые для номинаций лиц женского пола.

На материале поэтического творчества Н.С. Гумилева нами были отобраны для анализа лексемы, используемые для номинации мужчин и женщин. Преобладание номинаций, указывающих на лицо мужского пола, может свидетельствовать об андрогинном типе творческого сознания автора, однако богатство метафорических парадигм, структурирующих группы

женских номинаций, свидетельствует о высокой коммуникативной значимости феминных номинаций. Составленный нами частотный словарь гендерных номинаций даёт возможность проследить, как в количественном отношении сопоставлены ключевые концепты творчества Н.С. Гумилева.

Нами было выделено 153 единицы номинаций, представленные именами собственными, в 489 употреблениях и 119 номинаций, представленных именами нарицательными, в 936 употреблениях. Несмотря на количественное превосходство имен собственных, имена нарицательные являются более продуктивными в творчестве Н.С. Гумилева.

Имена собственные для номинации лиц женского пола в творчестве Гумилева представлены меньше, чем для обозначения лиц мужского пола. Например, мужских номинаций, представленных именами собственными, представлено 120 единиц, в то время как женских почти в четыре раза меньше – всего 33. По частоте употреблений мужские номинации данной группы встречаются более чем в два раза чаще (мужские – 239 употреблений, женские – 91). Большинство и мужских, и женских номинаций встречаются в текстах в единичном случае.

Наиболее часто употребляемыми среди имен собственных являются номинации, обозначающие принадлежность персонажей к различными мифологиям. Номинации этой группы употребляются в 149 случаях, что составляет 30% всех употреблений имен собственных. Самыми продуктивными оказались лексемы «Адам», «Ева», «Лилит», «Христос», «Мадонна». Все данные номинации относятся к библейской мифологии и показывают значимость религии для автора.

Среди номинаций, представленных именами нарицательными, количественно превосходящими являются мужские по роду занятий. Мужские номинации по роду занятий превосходят количественно женские номинации с аналогичной семантикой в 4 раза (мужские – 41 единица, женские – 9). Помимо этого, мужские номинации данной группы являются самыми продуктивными среди номинаций-имен нарицательных, как

мужских, так и женских. Среди женских номинаций наиболее обширная в количественном плане группа номинаций по мифологическому признаку (10 единиц).

Группы номинаций по социальному признаку представлены количественно почти одинаково и среди мужских номинаций (11), и среди женских (9). Наиболее популярные номинации: «король», «королева», «царь», «царица», «принц», «принцесса». По семантике многие из этих слов схожи, но в русском литературном сознании «король/королева» – правители чужих государств, в то время как «царь/царица» – правители своего государства. Отметим, что среди мужских номинаций с данной семантикой самая частая – «король» (30 употреблений), а среди женских «царица» (27 употреблений).

Номинация мифических существ распространена больше среди женских номинаций. Женских номинаций с данной семантикой выделено 10 единиц, мужских – 4. В отличие от мужских номинаций, женские являются более частотными (62 употребления женских, 16 мужских). Номинация «муза» наиболее популярна в данной группе.

Группы номинаций, обозначающие лица мужского и женского пола по возрасту, не так обширно представлены количеством единиц, женская группа данных номинаций самая частотная по употреблению среди женских номинаций, выраженных именем нарицательным (106 употреблений на 6 единиц). Среди женских образов в произведениях Гумилева нами было выделена номинации «девушка» – 53 употребления. Это самая популярная номинация среди всех женских и мужских номинаций. Номинация «мальчик» самая частая в данной семантической группе мужских номинаций (18 употреблений).

Номинации, обозначающие степень родства между людьми, представлены 8 единицами мужских номинаций данной группы и 9 женскими номинациями. Несмотря на небольшое количество номинации по употреблению наименования данной семантической группы стоят на втором

месте (100 употреблений мужских номинаций, 71 употребление женских), что может говорить о значимости семейных связей в творчестве Н.С. Гумилева. В 34 случаях употребления встречается номинация «брат», в 20 «отец», в 19 случаях «жена», и номинация «невеста» встречается в 18 случаях.

Единицы номинации лиц мужского пола по роду занятий являются самыми часто употребляемыми среди всех номинаций, выраженных именами нарицательными (227 употреблений), а также количественно превосходящими все остальные группы нарицательных номинаций (41 единица). Женские номинации данной семантической группы представлены 9 единицами в 15 случаях употребления. Номинация «поэт» самая популярная в данной семантической группе (44 употребления) и вторая по частоте среди всех номинаций, представленных именами нарицательными.

Среди номинаций, обозначающих лиц мужского пола по физическим свойствам и качеству характера, большинство наименований имеют негативную коннотацию. Наиболее часто употребляемые номинации мужской группы с данной семантикой – «грешник», «злодей». Среди женских же актуальными стали номинации с положительной оценочностью: «красавица» и «милая».

Таким образом, поэтическое творчество Н.С. Гумилева является ярким отражением его языковой личности, предоставляя читателю важную культурную информацию, преобразованную его творческим сознанием. Глубинный смысл поэтических произведений автора возможно понять только при тщательном рассмотрении гендерных номинаций, которые обширно представлены в его произведениях.

Перспективой данного исследования является изучение гендерных номинаций в творчестве других поэтов Серебряного века русской литературы. Изучение особенностей гендерных репрезентаций в других жанрах литературных произведений: в прозаических произведениях, в эпистолярном наследии писателей.

СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Азнаурова Э. С. Стилистический аспект номинации словом как единица речи / Э. С. Азнаурова // Языковая номинация: виды номинаций. – М.:1977. – С.154–198
2. Антропонимика / под ред. В. А. Никонова, А. В. Суперенской. – М.:1970. – С.37–55
3. Апресян Ю. Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопросы языкознания. 1995. № 1. С. 37-67.
4. Арестова А. А., Рябцева Е. В. Гендерный фактор в обществе, культуре и языке: женские и мужские языковые картины мира // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2009. № 2 (4). С. 14-16.
5. Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу / А. Н. Афанасьев. – СПб.:1896. – 166 с.
6. Блохина Н. А. Понятие гендера: становление, основные концепции и представления // Общество и гендер. Материалы Летней школы в Рязани / Составитель и редактор канд. филос. наук Н. А. Блохина. – Рязань: Изд-во «Поверенный», 2003. – С. 30–34.
7. Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С. А. Кузнецова. – СПб.: Норинт, 2000. - 1536 с.
8. Воробьева С.Ю. Дискурсивные маркеры феминной субъектности (на материале современной женской прозы) / С. Ю. Воробьева // Вестник Волгоградского гос. Ун-та. Сер. 2, Языкознание. – 2015. – №5 (20). – С. 159–170.
9. Воробьева С. Ю. Экология дискурса: гендерный аспект / С. Ю. Воробьева // Вестник Волгоградского гос. Ун-та. Сер. 2, Языкознание. – 2012. – №3 (19). – С. 159–170.
10. Воробьева С. Ю. Теоретико-методологические основания гендерных исследований в литературоведении / С. Ю. Воробьева //

Филологические науки. Вопросы теории и практики, Тамбов: Грамота, 2013. – №1 (19). – С. 48–51.

11. Воронина О. А. «Английский рецепт» для российских гендерных исследований / О. А. Воронина // Гендерные исследования. – Харьков: Харьковский центр гендерных исследований, 2007. – №15. – С. 174–178.

12. Воронина О. А. Социокультурные детерминанты развития гендерной теории в России и на Западе / О. А. Воронина // Общественные науки и современность. – М.: Наука, 2000. – №4. – С. 9–20.

13. Воронцов В. А. Подлинные истоки волшебной сказки / В. А. Воронцов. – Казань: 2011. – 268 с.

14. Гак В. Г. К типологии лингвистических номинаций // Языковая номинация: Общие вопросы / под. ред. Б. А. Серебренникова, А. А. Уфимцевой. М., 1977. С. 230-293.

15. Голев Н. Д. «Общий род» и гендерная семантика русских имён существительных: бигендерность или агендерность? / Н.Д. Голев // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2013. – №6 (26). – С. 14–28.

16. Горошко Е. И. Гендерная проблематика в языкознании // Введение в гендерные исследования. Харьков: ХЦГИ. СПб.: Алетейя, 2001. Ч. 1. С. 508-542.

17. Гриценко Е. С. Гендер в семантике слова / Е.С. Гриценко // Гендер: Язык. Культура. Коммуникация, материалы 3-ей международной конференции 27–28 ноября 2003. – М.: МГЛУ, 2003. – С 13–14.

18. Гриценко Е. С. Язык как средство конструирования гендера: дис. д -ра филол. наук: 10.02.19 / Гриценко Елена Сергеевна. – Н. Новгород, 2005. – 405 с.

19. Зыкова И. В. Актуальные направления гендерных исследований // Гендерные исследования и гендерное образование в высшей школе: материалы международной научной конференции (Иваново, 25-26 июня 2002). Ч. 2. С. 242-247.

20. Касевич В. Б. Буддизм. Картина мира. Язык. – СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1996. – 288 с.
21. Кирилина А. В. Лингвистические гендерные исследования как проявление смены эпистемы в гуманитарном знании / А.В. Кирилина // Вестник Военного университета. – 2010. – №4 (24). – С. 110–114.
22. Кирилина А. В. Лингвистические гендерные исследования / А.В. Кирилина, М.В. Томская // Отечественные записки. – 2005. – №2 (22). – С. 22–43.
23. Кирилина А. В. Гендерные исследования в лингвистических дисциплинах / А. В. Кирилина // Гендер и язык / Московский гос. лингвистический ун-т; Лаборатория гендерных исследований. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – С. 7–30.
24. Кирилина А. В. Гендерные исследования в лингвистике и теории коммуникации: Учебное пособие для студентов высших учебных заведений. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. – 252 с.
25. Кирилина А. В. Гендерные исследования в отечественной лингвистике: проблемы, связанные с бурным развитием / А.В. Кирилина // Гендер: язык, культура, коммуникация: доклады второй международной конференции 22–23 ноября 2001. – М.: МГЛУ, 2002. – С. 5–13.
26. Кирилина А. В. О применении понятия гендер в русскоязычном лингвистическом описании / А.В. Кирилина // Филологические науки. – 2000. – № 3. – С. 18–27.
27. Кирилина А. В. Гендер: лингвистические аспекты. – М.: Изд-во «Институт социологии РАН», 1999. – 180 с.
28. Кирилина А.В. «Мужественность» и «женственность» с точки зрения лингвиста / А.В. Кирилина // Женщина в российском обществе. – 1998. – №2. – С. 21–27.
29. Кронгауз М. А. Sexus, или проблема пола в русском языке / М.А. Кронгауз // Русистика. Славистика. Индоевропеистика. Сборник к 60-летию

А.А. Зализняка / Ред. коллегия: А.А. Гиппиус, Т.М. Николаева (отв. ред.), В.Н. Топоров. – М.: Издательство «Индрик», 1996. – С. 510–525.

30. Кустова О. Л. Исследование гендерных стереотипов методом личностного семантического дифференциала / О.Л. Кустова // Практикум по гендерной психологии / Под ред. И.С. Клециной. – СПб.: Питер, 2003. – С. 218–242.

31. Лозовский С. А. Дипломатический словарь / С.А. Лозовский. – М.:1948. – 344 с.

32. Петрова Р. Г. Гендерология и феминология: Учебное пособие. – М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К», 2006. – 232 с.

33. Подольская Н. В. Словарь ономастической русской терминологии / Под ред. А.В. Суперенская. – М.: 1988. – 187 с.

34. Пушкарёва Н. Л. Гендерная теория и историческое знание / Н.Л. Пушкарёва. – СПб.: Алетей; АНО «Женский проект СПб», 2007. – 496 с.

35. Резанова З. И. Гендерная метафора: типология, лексикографическая интерпретация, контекстная репрезентация / З.И. Резанова // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2011. – №2 (14). – С. 47–57.

36. Словарь гендерных терминов / Под ред. А.А. Денисовой / Региональная общественная организация «Восток-Запад: Женские Инновационные Проекты». – М.: Информация – XXI век, 2002. – 256 с. [СГТ]

37. Теория и методология гендерных исследований. Курс лекций / Под общ. ред. О. А. Ворониной. – М.: МЦГИ – МВШСЭН – МФФ, 2001. – 416 с.

38. Трофимова Е. И. Гендерные аспекты формирования литературного канона // Гендер: Язык, Культура, Коммуникация. Материалы Третьей Международной конференции 27–28 ноября 2003, Москва. – М., 2003. – С. 109–110.

39. Халеева И. И. Гендер как интрига познания // Гендер как интрига познания. Сборник статей. – М., 2000. – С. 9–18.

40. Шишлова Е. Э. Психологическая и философская рефлексия феномена андрогина как «постгендера» / Е.Э. Шишлова // Вестник МГИМО-Университета. – 2014. – № 1. – С. 244–253.
41. Эпштейн М. Н. Поэзия и сверхпоэзия: О многообразии творческих миров / М.Н. Эпштейн. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. – 480 с. – (Культурный код).
42. Goldie T. The Man Who Invented Gender: Engaging the Ideas of John Money (Sexuality Studies). - Canada: UBC Press, 2014. - 256 pp.
43. Haig D. The Inexorable Rise of Gender and the Decline of Sex: Social Change in Academic Titles, 1945-2001. Archives of Sexual Behavior, Vol. 33, №2, April 2004, -pp. 87-96.
44. Stoller R. J. Sex and Gender: On the Development of Masculinity and Femininity (London: Karnac Books, 1984 reprint of N.Y.: Science House, 1968, 1974). – pp. 383.
45. Udry R. J. The Nature of Gender. Demography, Vol. 31, № 4, November 1994. – pp. 561–573.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ИСТОЧНИКИ

46. Гумилев, Н. С. Полное собрание сочинений в 10-ти т. – М.: Воскресенье, 1998 – 2007.